

18+

Кирилл Берендеев

Дикий мёд твоих губ

нуар и детектив

Кирилл Берендеев

Дикий мед твоих губ

«Издательские решения»

Берендеев К.

Дикий мед твоих губ / К. Берендеев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Лихие девяностые остались в далеком прошлом,
а их герои стали мифологическими персонажами или героями анекдотов.

Но что мы в действительности пережили в то время? О героях, ставших
преступниками и преступниках, оказавшимися героями, расскажут повести
и рассказы сборника нуарного детектива «Дикий мед твоих губ».

© Берендеев К.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Штутгартер ризен	8
Дикий мед твоих губ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дикий мед твоих губ

Кирилл Берендеев

Корректор Александр Барсуков

Дизайнер обложки Кирилл Берендеев

Художник картины на обложке Тиффани Лондон

© Кирилл Берендеев, 2026

© Кирилл Берендеев, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3500-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Иллюстрация Алекса Бона

Нуарный детектив отличается от классического прежде всего тем, в какой среде живут его герои. Для них преступление это не рутина, не служебная обязанность, но нечто из ряда вон выходящее, то потрясение основ, от которого не всякий человек быстро оправится, что там говорить о попытке найти нужный выход или сориентироваться в резко изменившихся обсто-

яательствах, подстроиться к новым действующим лицам, подчинив собственную линию поведения к их требованиям, а на деле ловко манипулируя этими вторженцами. Подобное дано не всякому, что же удивляться, что мы, оказываясь наедине с преступниками, ведем себя подобно агнцам, направляемым на заклание. Но совсем иное дело, когда речь идет о уже матерых волках, для которых жизнь вне закона это нечто само собой разумеющееся. Для таких самая непредсказуемая перемена участи лишь повод проявить себя, иногда с неожиданной стороны — повод собраться, выдвинуться, доказать и себе и окружающим, на что они способны, что они поджидали именно этой минуты, в которую и поставили все на карту, дабы либо выиграть нечто неизмеримо большее имеющегося, либо — да пропади оно пропадом! — проиграться в пух и прах, отдав все, включая саму жизнь.

Вот о таких героях и пойдет речь в нижеследующем сборнике. О тех, для кого само преступление это кодекс действия, кому риск — единственная радость в жизни и у кого в жилах течет азарт вперемешку с жаждой смерти, неважно, своей или чужой. Повести и рассказы, получившие название «Дикий мед твоих губ», происходят далеко не всегда в наше время. В некоторых случаях я сознательно ушел от него в прошлое — в те годы, которые сейчас принято именовать «лихими девяностыми», хотя их лихость далеко не всегда столь гипертрофированно велика, как ныне, порой, наше время очень с ним схоже. Но для сюжета, завязки или развязки той или иной истории был необходим или флер того времени или техническая оснащенность, вернее, отсутствие таковой в сравнении с нынешним десятилетием. А еще герои, их поведение, общество, его мысли и идеалы, без которых подчас невозможно создать ту или иную историю. В некоторых случаях для воплощения сюжета так и вовсе приходилось использовать другую страну с другим уставом жизни, с законами, кардинально отличными от наших, с пережитой недавно гражданской войной, ее расколовшей надвое, память о коей не дает покоя жителям — как не дают и правители, придумывавшие те законы, что легли в основу сюжета цикла рассказов и повестей «Гражданская война Глеба Макея» — речь я веду именно о нем. Это не совсем обычный нуар, в него я внес несколько фантастических с точки зрения уголовного права нашей страны допущений (о них я подробно расскажу на страницах цикла), легших в основу жизни тамошнего общества. Но я посчитал необходимым внедрить их не просто для сиюминутного упражнения в изящных задумках и их воплощениях, напротив. Тем важнее для меня показать, насколько может измениться, и далеко не в лучшую сторону, общество, если оно примет ряд условий, поражающих в правах одних и позволяющих преследовать их другими, теми, кто посчитали себя победителями — хотя какие победители могут быть в гражданской? Считайте этот цикл своего рода предупреждением всем нам — к сожалению, никакое общество не может считать себя полностью защищенным ни от диктатуры, ни от распада, ни от иных самых страшных проявлений человеческого упадка; не является исключением и наше нынешнее. Хотя в основе цикла лежит история Югославии — об этом напоминают и события и имена героев. Но важно понимать и осознавать, откуда пошел распад этой страны, почему он случился и какие печальные уроки преподнес всем нам.

Но даже в таких условиях правосудие может не просто работать, но защищать интересы граждан. Даже в самые темные времена, когда закон не на их стороне, законность существует, пусть в виде исключений, пусть отдельными подвижниками, спасающими мир от полного самоистребления. Воистину, на праведниках земля держится, ими существует, от них проходит отсчет наших добрых дел. Трудно сделать только первый шаг, а дальше пойдет как бы само собой, стоит только начать или даже пожелать сделать мир лучше. Еще и об этом я стараюсь рассказать в последующих за этим кратким предисловием историях. Надеюсь, они придутся вам по сердцу.

Приятного чтения!

Искренне ваш, автор

Штутгартер ризен

В половине восьмого Гидич разбудил Глашу. Девочка вскочила было, но Юрий тотчас уложил ее обратно.

— Я поехал, — предупредил он, — хозяйничай без меня. Завтрак на столе, не забудь зубы почистить, знаю я тебя. Если задержусь, стукни тете Жене, она разогреет обед. Но я постараюсь вернуться к часу или двум.

«Я буду ждать, а ты не опаздывай», — жестами показала девочка. Гидич кивнул.

— Постараюсь. Мне бы успеть на восемь двадцать две до города. Больно несуразно электричка ходить стала. То гонит, то стоит, не подстроишься.

Поцеловав Глашу в лоб, велел ей досыпать, а сам вышел в коридор. Евгения Ивановна, соседка, только проснулась. Гидич еще раз попросил присмотреть за Глашей.

— Обед подам, а смотреть времени нет, — по привычке ворчливо ответила она. — Это у вас суббота, а мне надо к скорому из Москвы успеть и пассажирскому до Новосибирска. Авось игрушки кто купит. Тоже мне мода пошла, натурой платить. А мой и рад, все в дом тащит, прям коробками.

И прошла торопливо в ванную. Было слышно, как она, чистя зубы, что-то напевает про себя, бравурно-маршевое. Ее муж Валентин еще досматривал сны, не придя в себя после вчерашнего.

Гидич закрыл дверь, стараясь, чтоб замок не громко щелкнул, и спустился на улицу.

Апрель миновал середину, деревья покрылись зеленым пушком, хоть снег еще не везде стоял, в тени дворов-колодцев громоздясь талыми глыбами, с которыми так не хотели связываться редкие ныне дворники. Почерневшая масса лежала и у второго подъезда, из которого вышел Гидич. Покрытая обертками, окурками слежавшаяся горка все не исчезала, хоть на улице стояло весеннее тепло, вчера температура подобралась к пятнадцати.

Ничейная дворняга Найда, с которой любили возиться окрестные ребятишки, уже вышла на охоту за объедками в контейнерах; завидев Гидича, подбежала к нему, мотая обрубок хвоста, обнюхала штанину.

— Вечером приходи, — негромко заметил Юрий, глядя собаку по ржавой с проплешинами шерсти. Поспешил к автобусу. Найда какое-то время еще шла за ним. Старенький «ЛИАЗ» подошел, едва Гидич добрался до остановки. Сев у окна, Юрий невольно глянул на проплывший мимо дом, вглядываясь в окно, еще не задернутое зеленью черемухи, надеясь увидеть Глашу. Окно чернело пустотой, наверное, девочка легла досматривать сны. Или он ее не успел разглядеть?

Дом скрылся за поворотом. Наверное, спит.

Глаша была тихой, напуганной девочкой, очень медленно обретающий себя после четырех лет жизни в детдоме, куда ее сдали органы опеки, отобрав грудным младенцем у спившихся родителей. Как ее там содержали, лучше не знать; впрочем, условия в доме призрения выходили немногим лучше. Глаша родилась немой, врачи диагностировали у нее непорядок с головными связками, который можно вылечить, имей родители желание и деньги. В детдоме было не до подобных излишеств, вырастить до совершеннолетия и отправить во взрослую жизнь, с плеч долой. С Глашей никто не занимался, языку жестов не учил, как следствие, ее считали тупенькой и держали в черном теле; сверстники ей житья не давали. Гидичу понадобилось почти три года, чтоб ее удочерить. Директор был рад от неполноценной избавиться, да по казенному обряду без волокиты и взятки содействовать не желал, пришлось подмазывать и обзаводиться уймой бессмысленных справок. Глаша почти три года жила у Юрия, да все не могла отойти. Здорово досталось.

Электричка до Спасопротокопьевска пришла по расписанию, три минуты опоздания не в счет. В субботу утром на их станции останавливались все больше экспрессы, Гидичу же требовалось выйти за остановку до города, на «Раздолье» — в весенние дни не遠далеке от этой станции собирался большой базар, где торговали всем, начиная от китайских пуховиков, завозимых челноками, и заканчивая снедью и семенами. За последними, стоившими не в пример дешевле, нежели в их глухомани, до которой не всякий рынок захочет добраться, он и отправился с утра пораньше. Гидич наметил купить лука-севка и картошки, семена огурцов, патиссонов, укропа и кинзы, всего в чем выходила недостача после перепроверки осенних запасов или требовался гибрид, потомства не оставлявший. Глаша любила хрусткий лучок сорта штутгартер ризен, его Юрий планировал взять побольше. А еще саженцы ремонтантной клубники мурано — порадовать летом малышку. После того, как Гидича спровадили на пенсию, огород перестал быть способом отвлечься от дурных воспоминаний, перейдя в средство выживания.

Недавно ему предлагали вернуться — военным советником или специалистом. У комиссованного после ранения капитана запаса имелся хороший послужной список и две медали за афганскую кампанию, где он прослужил три года, вплоть до вывода войск в восемьдесят девятом. Затрещавшая по швам новая федерация вербовала интернационалистов для отправки в мятежную Чечню. После провозглашения той независимости в прошлом году, республика разделилась на оппозиционную северную, согласную признать Россию в качестве сюзерена, и южную, верную самозваному президенту, желавшую сохранить независимость любой ценой. Этой весной между группировками запахло столкновением. Москва, открыто поддерживающая Временный совет Чеченской республики, готовилась к неизбежному началу новой бойни, будто прошлогодней, в центре столицы, ей оказалось недостаточно. «Товарищ» из службы контрразведки, предложивший ему «работу по специальности», как он выразился сам, пообещал легкий заработок за пару месяцев службы отечеству, вряд ли эта война продлится больше и еще одну медаль, ровно в ее получении заключалась высшая цель. Гидич напомнил о своем ранении, показал увечную ногу, укоротившуюся на три сантиметра, на что службист лишь руками развел:

«Вы же не в танке воевать будете, — заметил он, — а при штабе работать, планировать для оппозиции их штурмовые операции. У вас большой опыт борьбы с моджахедами, а в горах такая сборная солянка шушеры собралась. Президент Дудаев наворовал уйму и теперь вербует чеченских наемников по всему миру».

Сумма выглядела солидной, платить обещали в долларах, целых полторы тысячи в месяц. За эти деньги можно купить квартиру в Спасопротокопьевске или дом на выселках. Но Гидич, покусав губы, отказался. Объяснять не стал, контрразведчик вряд ли бы его понял. После разговора прошелся проветриться, купил в ларьке шоколадный батончик, будто извинялся перед Глашей за отказ. Будто она поняла, зачем приходил «модный дядя», едва уловимо пахнувший лавандой. Слышала, конечно, речь шла о деньгах, но в последнее время все разговоры папы сводились к этой теме. Их катастрофически не хватало, пенсию не платили с марта, а до июня и первой зелени на участке еще надо было дожить. Приходилось всеми способами выкручиваться. Чтоб выгодно вложить стремительно дешевеющие рубли, соседи собрали деньги с друзей и родственников, ездили в Москву, где купили акции общества «МММ», торговавшего компьютерами и оргтехникой так, что курс их билетов вырос в десятки раз и останавливаться не собирался. Полтора года назад соседи прогорели на ваучерах, но это их только раззадорило.

Раздолье встретило Юрия непривычной пустотой. Обычно в выходной день уже на платформе толпились люди: что-то продавали, предлагали, покупали, менялись. Подобную картину, верно, можно было увидеть на любой станции по всей стране. Держава как в двадцатые, как во времена нэпа, пыталась высвободиться из железных тисков прошлого и схватившего за горло настоящего, не столько нажить капитал при первой возможности, сколько прокормиться в давно запамätованных условиях существования. Сейчас же коробейников было по-буднич-

ному мало. У Юрия неприятно защемило сердце. Гидич двинулся к рынку «Садовод», располагавшемуся в помещениях бывшего депо, закрытого в последний год советской власти, а ныне превращенного в барахолку. Увы, на входе его встречали запертые ворота и наспех написанный от руки листок бумаги, извещавший арендаторов и покупателей, что «по санитарным соображениям торговля прекращена до девятнадцатого числа», то есть вторника, понедельник у рынка выходной.

По-хорошему ему бы повернуться кругом и подождать поезд в десять десять, но возвращаться с пустым не хотелось. Если проехать на тридцать втором автобусе до Спасопротопьевских выселок, он доберется в магазин «Семена», где тоже за недорого можно разжиться почти всем необходимым, гибриды он купит точно. Заодно посмотрит Глаше куртку на осень, старая уже маловата. А ей в пора школу. Гидич куснул губы: он еще не договаривался с директором, все оттягивал, понимая, что неприятный разговор рано или поздно надо провести. Она сообразительная, пусть копуша и дикарка. Глаше пора заводить знакомых, общаться — хотя бы записочками как она пытается делать с парой знакомых по двору. Ездить в спецшколу в Спасопротопьевск нет никакой возможности, да и какое там образование.

Даже сейчас он начал репетировать речь, шевеля губами и не обращая внимания по сторонам. Пока не понял, что обращаются к нему.

— Мужчина, да помогите же!

Обернулся. Он прошел мимо женщины, верно, тоже с поезда: молодая, вряд ли больше тридцати, хорошо одетая, совершенно не вписывающаяся в потертую толпу прибывших в Раздолье, в руках модный розовый чемодан на колесиках. Одно из них отломалось — асфальт на дорожную грязь насыпали небрежно, мигом слез.

— Помогите до автобуса дотащить. Спасибо. Кого ни спрошу, никто не остановится.

Городская фифа, пахнувшая кокосом и разодетая как на праздник, вызывала у местных почти естественное отторжение, которое они даже не пытались скрывать.

— Вам на тридцать второй? — спросил он. Дама кивнула. — Странно, что вы в таком наряде и по такой грязи...

— И вы туда же!

— Простите.

Набойка на левой, искалеченной ноге разболталась, он начал чуть заметно прихрамывать. Этого еще не хватало! Гидич стеснялся увечья, первое время после выписки заперся в четырех стенах, стараясь реже выбираться в люди, прекратил общаться с однополчанами, стал поддавать, чего не позволял себе никогда прежде. Даже в Мазари-Шарифе, куда был переброшен брать то и дело сдаваемые моджахедам деревни. Первое время он уговаривал, улещивал, чуть не подкупал афганских солдат, приданных в усиление, потом, плюнув, стал поступать с ними как все, загонял на высоту и минировал пути отхода. Будто это могло что-то поменять. За десять лет всем настолько осточертела эта бессмысленная по сути, бесконечная война, что республиканские войска шли на любые уловки, лишь бы не участвовать в ней. Десять лет стрелять в родных, близких, знакомых и незнакомых, но своих — от этого любой свихнется.

На его ногу обратила внимание и спутница. Произнесла с сомнением в голосе:

— Может, вам лучше не стоит...

— Не обращайтесь внимания, давно зажило, — он правда очень хотел, чтоб женщина переключилась на что-то другое, более приятное.

— Так это что, ранение? Вы воевали?

Кивнув, он дотащил до остановки эффектный чемодан. Во взгляде спутницы явственно зажглось нечто большее, чем слабое сочувствие, уже хорошо. Тридцать второй не торопился, какое-то время они стояли на холодке в одиночестве. Гидич разглядывал спутницу, та заметно нервничала, потом не выдержал, спросил, далеко ли ей.

— До Селятинской улицы, — ответила она, хотела еще что-то сказать, но вдруг оборвала себя на полуслове, прибавив: — Третья остановка.

Подошел автобус. Юрий сделал шаг вперед.

— Позвольте, я вам помогу... с чемоданом.

— Спасибо.

Снова молчание. По опыту Гидич знал: человек в такой ситуации либо сразу высыпает все на невольного собеседника, либо молчит до конца. Женщина села через проход и теперь решала, заговорить или оставить в себе скопившееся тревожение. Оценивающе поглядывала на Юрия, понимая, что попутчик все видит, но все не решалась. Гидичу вдруг захотелось помочь, он понятия не имел, что попутчицу гложет, но, разговорив, может облегчить ей душу. Бойцы отряда частенько называли Юрия «Батюшкой» — именно за способность выслушать, а вникнув, подсказать. Опыта капитану было не занимать, воевал он с восьмьдесят четвертого, тремя командировками.

Гидич помог ей выгрузиться из автобуса. И пока решал, помочь добраться до дома, двери торжествующе хлопнули прямо за спиной.

— Видимо, мне суждено проводить вас до места, — улыбнулся он. Женщина вдруг выдохнула. Резко обернувшись, шагнула к нему.

— Вы должны мне помочь, — выдохнув жарко, произнесла она.

Всю дорогу на автобусе Гидич ловил себя на мысли, что не хочет расставаться со своей попутчицей. Вроде не было в ней ничего особенного: невыразительное лицо, щедро прикрытое слоем яркого макияжа карминовых оттенков, каштановые волосы завиты в стиле «взрыв на макаронной фабрике», в ушах большие серебряные кольца. Пальто в широкую винную клетку с белоснежными отворотами и джинсы мышиного цвета, на ногах белые кроссовки, успевшие заляпаться. За последние годы по возвращении на гражданку подобных фиф он повидал множество, но от этой не хотелось отходить. Надо признаться, сказал он себе, что я просто дурак, у которого давно не было общения с женщинами. Евгения Ивановна не в счет, склочнице под пятьдесят, а память о фигуре и привлекательности она потеряла лет двадцать назад. С Таней он расстался перед последней командировкой. Последние годы общаясь с одной Глашей, думал, все уже позади. И на тебе.

— Вы должны меня понять, — продолжала она, тревожно глядя в глаза Гидичу. — Кроме вас никто вообще ко мне не подошел. Мне надо вам все рассказать, во что я влипла.

Юрию почему-то подумалось, сейчас попутчица поведает слезливую историю про измену и окажется брошенной бабой, выставленной за порог, но не тут-то было.

— Понимаете, я должна много денег одному бандиту, — женщина обернулась по сторонам, но хотя прохожих поблизости не было, продолжила вполголоса. — Вы знаете, что такое «поставить на счетчик»?

Юрий кивнул.

— Со мной... моим братом такое случилось. Он оказался должен, — по какой-то причине женщина не стала озвучивать размер недоимок, — но отдать в срок не смог. Теперь его держат в Раздолье как заложника, пока...

— Вы обращались в милицию?

— Шутите? Она же вся куплена. Кое-как я собрала нужную сумму, а теперь мне надо ее передать, чтобы освободить брата. Потому прошу вас помочь. Вы мужчина, вас воспримут всерьез.

Гидич изумленно воззрился на нее. Никогда бы не подумал, что эта крикливо раскрашенная особа окажется в подобном положении. Конечно, ему приходилось сталкиваться с местной мафией, если ее можно назвать таким выпендренным словом. Юрий пытался торговать газетами в электричке прошлой осенью, как раз после расстрела парламента — отбоя от свежей

прессы тогда не было, — но его пыл быстро охладили ражие молодчики, от души измолотившие афганца. Весь в грязи и крови, он едва добрался домой, приведя в ужас даже соседку, что говорить о Глаше. «Нашли чем торговать, — сказала Евгений Ивановна, в кои-то веки помогая промыть раны. — О таких вещах надо договариваться, а не лезть на рожон». Позднее Гидич сообразил найти нужных людей, сведших его с неким Мустафой, прошедшим горнило афганской, а сейчас торговавшим книгами. По сродству душ тот пристроил Юрия на доходную точку возле автовокзала, где дачники влет раскупали любое чтиво в дорогу. Жаль, торговля продлилась недолго: в апреле на Мустафу напали конкуренты, отправив того в больницу, хорошо, не к праотцам. Тот обещал вернуться, когда придет в себя, парень он был упертый и двуличный, да и книготорговля приносила немало. Пока приходилось искать подработки, вот только человека с инвалидностью брали неохотно, хоть физический труд не составлял для Гидича проблемы. Раз его пробовали вышибалой, именно как афганца, жаль, проиграл более внушительному соискателю.

— Объясните, что вы хотите сделать? Просто придти и передать?

Юрий понятия не имел, как устроена преступность, когда сталкивался с ней, то всегда с самыми ничтожными ее представителями. А тут женщина предложила добровольно отправиться в осиное гнездо.

— Мне так сказали, — резко кивнув, подтвердила она. И видя нерешительность попутчика, пошла с козырей. — Я ведь не просто так предлагаю, я заплачу. Сто долларов за полчаса вашего убедительного присутствия. Нет, даже двести.

Отчаянным движением она достала из кармана объемный кошелек, вынула оттуда две бумажки, протянула Гидичу. Юрий невольно отшатнулся. Это его примерный заработок за последние полтора месяца. Все эти сотни тысяч рублей, которые он собирал, над которыми трясся, выкраивая и пересчитывая, теперь свободно уместились в паре банкнот заокеанского казначейства. До июня можно будет дожить спокойно, а там Мустафа оклемается. Зимой он здорово помог.

— Согласны? — нетерпеливо спросила женщина. Гидич, все никак не в силах оторвать взгляда от серо-зеленых бумажек нового образца, молча кивнул. — Вот и хорошо. Тогда идемте.... Ну что же вы, идемте скорее.

Как замороженный, Юрий последовал за ней.

Идти было недалеко, их цель располагалась в конце Весенней улицы, углом отходявшей от начала Селятинской. В гостинице «Заря», с недавних пор заселенной магазинчиками и коммерческими предприятиями самого разного рода, располагалась контора товарищества «Импринт» — офисная и компьютерная техника в розницу и мелким оптом, — куда они направлялись. По пути Гидич затребовал подробности, на какое-то время они остановились все обсудить. Ида, Аледаида, так звали попутчицу, поначалу рассказывала неохотно, но, уверившись в собеседнике, засыпала деталями.

Ее брат вляпался в авантюру с продажей драгоценных камней, ничего толком не смысля в изумрудах и александритах, он пытался торговать ими, был облапошен и теперь за долги содержался в одном из подвалов Раздолья. Ида собрала нужную сумму буквально за три дня, но идти одна боялась, как не решалась подставлять близких.

— А друзья от меня отвернулись, едва запахло жареным, — честно заметила она, искоса поглядывая за реакцией Гидича. — Вот как они после этого называются? Мне пришлось идти одной на сделку... стрелку. Хорошо, вы попались.

— Сколько человек будет на встрече? — Юрию претил воровской жаргон собеседницы, он предпочитал говорить нормальным русским языком.

— Понятия не имею. Мы идем в официальное представительство этого баднита, Хромой его кличка. Наверное, три-четыре. Мне главное получить брата, остальное неважно, —

с нажимом произнесла она, останавливаясь и поворачиваясь к Гидичу. Тот кивнул. — Лишь бы он жив был.

— За восемьдесят тысяч долларов, конечно, будет. Но вы правы, одной вам лучше не соваться. И далеко в здание не заходить, чтоб в случае чего...

— Да понимаю я, понимаю. Но о каком выходе вы говорите, если брат останется у этих гопников? Вы с оружием хорошо обращаетесь?

— Забудьте! — резко произнес он. — Если начнется заваруха, вашему брату не жить.

Она согласилась. Когда оба добрались до здания «Зари», бетонной коробки в десять этажей, затерявшегося среди себе подобных безликих параллелограммов, Гидич предложил перейти на «ты» — пусть считают его близким другом Иды. Та благодарно кивнула.

Лифт не работал, в нем самом располагался крохотный металлоремонт. Но хоть офис «Импринта» находился на третьем этаже. Добравшись до него, Гидич постучал, открыл дверь, но входить не стал. Наконец, к ним вышел «продавец» — громила под два метра с лицом, требовавшим бритвы. Компания продавала технику, но по таким заоблачным ценам, что покупатели обходили ее десятой дорогой. Видно, на то и был расчет, случайные люди беспокоить работников вряд ли станут.

Головорез обернулся, кликнул соратника, человека лишь чуть ниже ростом и уже в плечах. Тот смерил Гидича проницательным взглядом.

— Это еще кто? Мы как договаривались?

— Думаете, я одна к вам припрусь? — вопросом на вопрос ответила Ида.

— Ты от Сизаря, мужик?

Гидич хмыкнул, стараясь вжиться в роль, о которой знал лишь по детективам, прочитанным в ожидании покупателей.

— Я сам по себе. Друг Иды, и этого хватит.

Плечистый почесал переносицу.

— Ну смотри, друг, как бы тебя не... Проходи.

— Общаться будем здесь. Где Хромой?

— Я сказал, проходи, пока не втащили.

Пришлось зайти. Первая комната представляла собой типичный офис торговой компании: образцы компьютеров, принтеров, копиров, стол с кассой для расчетов и прейскурант, вернее, прайс-лист с переводом цен в презренные рубли по курсу две двести за доллар, куда там официально в тысячу восемьсот. Почти все магазины, завозившие товары из-за границы, устанавливали свое соотношение, меняя его пару раз в неделю, чтоб не переписывать ценники, прочно завязанные на валюту, чаще всего, американскую или немецкую. В последние годы самыми востребованными приборами в российской семье стали ультрафиолетовая лампочка для чтения водяных знаков и калькулятор. Сейчас рубль хоть начал стабилизироваться, ежемесячный прирост составлял меньше десяти процентов. Кошмар двух последних лет, когда цены менялись чуть не дважды в день, тьфу-тьфу, остался позади. Во всяком случае, в это хотелось верить.

Они вошли. Дверь в соседнюю комнату осталась приоткрытой. В ней, свободной от микроэлектроники, располагался кабинет шефа: солидные обои, дорогая мебель, стеллажи с книгами. Кем бы ни был этот Хромой, свои апартаменты он умел обставить стильно. Гидич остановился посреди комнаты, оглянулся. Оба амбала перекрыли входную дверь. Если у них кобуры подмышками, у Юрия найдется три-четыре секунды времени, чтоб нейтрализовать хотя бы одного. Возможно, он даже растеряется, не ожидая натиска. Только бы обувь не подвела.

Хромой милостиво согласился принять ходоков в «офисе». Статный мужчина чуть за сорок, немногим старше Юрия, в строгом сером костюме, он мало походил на привычный киношный образ украшенного татуировками головореза. Вкрадчивый, внимательный, с подозрением, написанным на лице. Гидича он осмотрел как хирург пациента. От взгляда не укры-

лась и увечная нога, Хромой заметил, толщину подошвы левого ботинка, разом все поняв. Сев за стол, потребовал камни.

Ида подтянула заляпанный чемодан, стала выкладывать из него вещи: белье, полотенца, столовые приборы, какие-то коробки.

— Где зеленый лед? — холодно спросил Хромой, буравя взглядом Иду. Наконец, та бросила на стол подушку. — Что это?

— Все внутри, — отчеканила женщина. — Смотри сам.

Из подушки высыпалось с два десятка мелких негранных камней темно-зеленого цвета. Хромой взял один, вынул из кармана очки геммолога, долго разглядывал. Медленно поднял их на лоб, обжег взглядом женщину. Губы сошлись в нить.

— Ты за кого меня держишь, Ида? — едва слышно произнес он, но от этих слов все находившиеся в комнате вздрогнули. — Я с камнями двадцать лет работаю, это крашенный берилл.

— Я взяла их из тайника Семена, — с трудом разлепив пересохшие губы, произнесла женщина. — Я для этого специально в Екатеринбург моталась... — Снова глянула на Хромого и другим голосом визгливо продолжила: — Да врешь ты все, паразит!

— Ида! — рявкнули на нее от двери. Главарь бровью не шевельнул.

— Врешь! — продолжала она. — Семен все деньги в них вбухал, на взятках разорился. Там же вохровцы, а не бухой сторож с берданкой.... Тебе надо и камни прикарманишь, и меня обчистить. Будто я поверю, что они фальшивые.

— Семен через Сизаря камни переправлял и прятал? — холодно спросил Хромой. Ида кивнула, продолжив другим тоном:

— Сизарь большой человек в Екатеринбурге, а когда камни горят, как их из города без-опасно вывезти? У него же везде люди.

Хромой поморщился.

— Значит, зеленого льда на триста тысяч у него. Вот что, девонька, — обратился он к Иде, — придется тебе снова поработать.

— Я ушла от Сизаря, ты прекрасно знаешь, что мне будет, если вернусь.

Главарь повернулся всем телом к Гидичу.

— Вот и до тебя, мил человек, очередь дошла. Поручился, что дружок ейный, так выручай подружку. — И другим голосом: — Пойдешь к Сизарю, потребуешь камни. А нет, будем этих двоих ломтями стругать, и кралю, и ее братца-кролика. Так понятно?

Гидич дернулся, сделал шаг назад. Амбалы у двери тотчас ожили, попытались его взять в клещи, заломить руки. На то и был расчет. Юрий с маху саданул одному носком в солнечное сплетение, толкнул другого и рванулся к двери. Ботинок предательски скрипнул, набойка готовилась отлететь. Не обращая внимания, Гидич выкатился за дверь, резко ей хлопнул, едва не попав по голове догоняющему, и похромал по узкому коридору к лестнице, про себя усме-хаясь — что, не ждали от инвалида? Когда он открывал дверь, голова взорвалась снопом искр. Путь преградил пудовый кулак третьего, незнамо откуда появившегося на пути.

Юрий дернулся, но отскочить не сумел. Невысокий верткий крепыш мигом заломил ему руку и потащил назад в вотчину Хромого.

— Хват, — одобрил его попытку бегства главарь, увидев Юрия в дверях. — Далеко пой-дешь. Ботинки не расхлябались, моих людей пиная?

Гидич сглотнул слюну. В голове было пусто, но на предложение Хромого ответил согла-сием.

— Есть немного. Зачинить бы, командир?

Тот усмехнулся.

— А ты молоток. Девку бросил, сам в кусты. Или она тебя тоже наняла шестым номером? Ида это может, психолог, что ты хочешь. К каждому ключик найдет. У Сизаря уволокла тысяч двести долларов, а он все ей признателен и благодарен. И сейчас передо мной комедию с расставанием разыгрывает. Если б не знал подноготной — прям поверил.

Он повернулся к крепышу, все еще держащему Гидича за вывернутую руку, приказал обыскать. На свет выбрался кошелек с пятьюдесятью тысячами рублей, билет на электричку, ключи, ветеранское удостоверение. Хромой хмыкнул.

— Понятно, откуда в ногах такая прыть. Что, Гидич Юрий Антонович, по-хорошему пойдешь или надо родственников беспокоить?

На душе у Юрия стало мерзко, сердце неприятно закололо. Но он старался держаться спокойно, пытаясь не подать вида. «Сейчас не вышло, может, дальше получится», — колотилась в голове шальная мысль.

— Ты из-за каких-то трехсот тысяч долларов будешь так рисковать? — спросила Ида, снова облизнув тонкие карминовые губы.

— Не в деньгах счастье, а в отсутствии долгов, — рассудительно ответил главарь. — Сизарь птица залетная, и чем раньше он улетит, хоть так, хоть с петлей на шее, тем спокойней. В Раздолье все мое: комбинат, пивоварня, станция, рынки, все! — Он неожиданно перешел на повышенные тона. — И я не позволю кому-то вмешиваться в мои дела и строить планы, тем более, претворять их в жизнь. Я и тебя, красавица, положу, чтоб его ухайдакать, ты меня поняла?

— Я это всегда знала. Подлый ты человек и мстительный.

— Тебе с другими дел не иметь. Фома, хватит мять афганца. Пойдешь с ним, подстрахуешь. Сизарь тебя не знает, будет неожиданность. Заодно разберешься, много ли их сейчас в Раздолье.

— Я понял, шеф. Разберусь в лучшем виде.

— Без оружия.

— Само собой, шеф... Давай, двигай, бегун.

Гидича отвели вниз в сопровождении еще одного крепыша, которому он чудом не попал дверью в голову. Тот шел сзади, все время подстраховывая Фому, готовый при любой оплошности отомстить за унижение. Юрий кожей чувствовал, как у того чесались кулаки.

В голове по-прежнему гулял ветер. Никогда за время службы Гидич не попадал в подобную передрагу; слышал много и всякого, но под конец кампании перестал отличать правду от баек, которыми делились желавшие поскорее развязаться с Афганистаном, забыть обо всем: о боевых товарищах, с которыми не сложилось, об интернациональном долге, за который клали головы своих и чужих в горах и пустынях. На войне живут по волчьим законам, что бы ни говорили сказители-пропагандисты; лучше сказать, выживают. Когда цель непрерывной жестокости и душегубства исчезает, человек быстро доходит до крайности. Что говорить, в его отряде были и такие, они везде были. Оказались и в Раздолье, плавно перебравшись из одной войны в другую, нанятые не государством, а лицом, готовым выдать новый смысл жизни. Глядя на Фому, Гидич почти не сомневался, что тот прошел знакомую до боли школу жизни.

Внизу все трое остановились у ремонта обуви, скорняк поправил Юрию разболтавшуюся обувку. Пока старичок-пенсионер этим занимался, Фома пристально разглядывал Гидича. Юрий старался не обращать на него внимания, но не выдержал, глянул в ответ.

— Где воевал, афганец? — неожиданно дружелюбно спросил тот. Скрывать Гидич не стал. Фома хмыкнул понимающе.

— Мы в Таджикистане стояли, вам пополнение слали. Я там занимался морально-строевой подготовкой подрастающего на убой поколения.

Фома еще раз пронзительно глянул на собеседника, потер нос, кашлянул и произнес как бы с новой строки:

— За сколько тебя Ида купила? — Гидич ответил. Бандит понимающе кивнул: — Сейчас всем непросто. Хромой он, конечно, мужик непростой, с причудами, но понимающий. Если все пройдет тип-топ, отметит. Посущественней, чем эта лярва, будь спок... Подогнали обувь? — поинтересовался Фома после паузы: — Тогда двинули.

Они выбрались на улицу, Фома все так же шел рядом, мило болтая, а второй конвоировал Юрия, по-прежнему отставая на два шага.

— Что будет с Идой? — спросил Гидич. Подельник усмехнулся.

— Ты ж ее честно бросил, даже бежать пытался. Или забыл?

Юрий смутился, куснул губы. Фома улыбнулся, довольный:

— Понятия не имею, что с ней. Посидит пока на цокольном этаже склада на Пришвина вместе с братцем. С чего тебе за нее переживать?

— Чтоб о другом не думать, — хмуро ответил Юрий. Фома охотно кивнул.

— Понимаю. Сам на передке не был, но наслышался всякого. Тут главное, не думать, пусть инстинкты решают. Я перед пострелушками шведскую попсу слушаю: «Роксет», «АББА», «Эйс оф Бейс». И тебе советую.

— Спасибо, учту.

Они вышли к парковке, находящейся на противоположной от входа стороне здания. Фома выбрал неприметный серый седан, в который пригласил забраться Гидича. Юрий помедлил.

— А этот, — кивок на недреманного стража, — с нами поедет?

— Чина, — наконец, охранник был представлен. — Естественно. В тесноте, да не в обиде. И для убедительности подойдет, не находишь?

Фома еще умудрялся шутить, но сейчас смех его стал нервным, ломким. Он сел за руль, названный Чиной, поместился на заднее сиденье прямо за Гидичем. Оружие в их руках появилось из ниоткуда, но лишь затем, чтоб тотчас исчезнуть — провоцировать ребят Сизаря никто не хотел. Они парламентареры, прекрасно понимающие, в какую авантюру могут влезть. Юрий открыл бардачок — в нем были насыпаны патроны для макарова.

— Менты не тормознут? — неожиданно переходя на блатную лексику, спросил Гидич. Чина хохотнул.

— Они прикормленные, — ответил он, впервые подав голос, неприятный, прокуренный. И тотчас замер.

Каждый по-своему готовился к возможному поединку. Чина что-то бормотал про себя, Фома, чуть заметно покусывая губы, касался то брюк, то руля, то приборной доски. Гидич... у него ритуал был связан с автоматом Калашникова. Можно сказать, Юрий молился ему, чтоб не подвел, не дал осечки, не увел по своему обычаю криво сделанной железки пулю в сторону от противника. Многие соратники молили ведомых только им ангелов, божков, дaimонионов, гениев, духов и иных существ, о которых только могли припомнить, о защите и вспомоществовании, надеясь, что те снова услышат и помогут хоть чем-то и как-то.

Когда Фома взялся за руль, Гидич спросил об оружии.

— Не положено, — голосом инструктора, осаживающего новобранца, отрезал он. И тут же прибавил привычно: — На месте посмотрим.

Машина вырулила на шоссе и отправилась на противоположную часть невеликого городка, расположившегося на самом юге от Спасопротокопьевска.

— Не гони! — снова потребовал Чина, бросая недовольные взгляды на водителя через зеркало заднего вида. Тот только усмехнулся.

— Он у нас зимой в аварию попал, теперь на воду дует. И так еле ползем, чего телишься?

— Да стой ты..., стой, я сказал!

Фома проехал еще два десятка метров и только тогда понял, что приятель имел в виду. Возле небольшого строения на перекрестке собралась группа людей, поначалу активно спорящих, но уже через четверть минуты перешедших к выяснению отношений при помощи кулаков. Трое крепких парня надели на двоих мужчин, те отчаянно отбивались, но силы были явно неравны. Фома пулей вылетел из машины, едва сообразил, где происходит потасовка, Чина последовал за ним. Гидич несколько мгновений сидел неподвижно, у него был соблазн пересест и дать по газам, но вспомнив обещание Хромого, он остался на месте, предпочтя не вмешиваться.

Чина несколько раз рывкнул на нападавших, потом выхватил пистолет и дважды пальнул в воздух. Драка прекратилась немедленно, нападавшие отскочили, сами выхватили оружие. У избиваемых хватило ума лечь и отползти к одноэтажному зданию, на фасаде которого значилось «Букмекерская контора», а чуть выше плакат: «Футбол: товарищеский матч Россия-Каме-рун. Ставки, пиво и трансляция». В ответ драчуны открыли по Чине огонь. Амбал рухнул наземь, принявшись опустошать магазин, мгновением позже к нему присоединился и Фома.

Через минуту нападавшие, отстреливаясь, отступили, вернее, стреляли двое, третьего, раненого, они тащили на себе. Перекресток смолк. Подручные Хромого поднялись, осмотрелись, после чего вернулись к машине. Гидич ждал, когда из-за поворота вырулит милицейская машина, укладывая всех на асфальт, напрасно. Городок хранил гробовое молчание.

— Афганец, ты не удрал? Дивлюсь, — заметил Фома, садясь. Перед этим он успокоил клерков из конторы, уломав их вернуться к работе. Напоследок дал денег, разорвав пачку купюр надвое.

— У тебя кровь на плече, — заметил Юрий, невольно дергая щекой при виде ранения. Фома глянул через плечо, хмыкнул.

— Царапина. Надо Хромому звякнуть, сказать, что на его владения кто-то покусился.

— После переговоров. Дураков много, времени мало, — Чина был по-прежнему немногословен.

— Это его контора? — спросил Гидич. Фома кивнул.

— Хромой у нас меценат. Стадион «Энергетик» знаешь? Там книжки продают и технику. Так он настоял, чтоб по понедельникам-вторникам ярмарок не было, а проходили соревнования как раньше.

— Поди ему возрази, — согласился Чина.

— В будущий понедельник будет товарищеский матч по футболу.

— Женскому, — прибавил второй крепыш снисходительно.

— Думаешь, билеты в кассе остались? Народ пусть выживает, но зрелищ все равно хочет. Хромой приказал билеты по дешевке продавать, а часть средств с них он в детдома жертвует.

— Сам оттуда, — пояснил Чина. — Он порядочный человек, стадион у администрации отжал и горожанам помог. Все Раздолье на него чуть не молится.

— Кроме этих подонков, — встрял Гидич, сам не понимая, зачем.

— Мы их еще отыщем и ноги вырвем, дай срок.

— А за что вашего шефа Хромым прозвали?

— По молодости оппонентам жилы резал, — пожал плечами Фома, выруливая на середину улицы.

Дальнейший путь они проделали без приключений. Фома не лихачил, Чина же молча сидел сзади, уставясь в потолок, не то пытаясь взять в руки несуслазную фобию, не то приходил в себя после перестрелки. Оба молчали, Гидич, желавший спросить о конечном месте поездки, наткнулся на глухую стену и сам прикусил язык.

Наконец, приехали. Фома проехал чуть поодаль от проходной завода «Микромаш», добравшись до пролома в стене, кое-как забранного рабицей, подошел, отогнул проволочный

край. Внутрь тянулась едва заметная тропка, наискось пересекавшая территорию предприятия. Верно, не один он знал об этом проходе.

— Прошу, — предложил он Юрию пройти первым. Гидич остановился. — Давай-давай, не церемонься, там все твои будут.

— Кто это, мои? — не понял он.

— Ребята Сизого. У него тут контрольная закупка. — При этих словах Фома оскалился неприятно. Чина подошел следом, перекрывая пути отхода. — Проверяет качество товара.

Оба переглянулись, похмыкали одобрительно одной им понятной шутке. Гидич полез внутрь с неприятно заколотившимся сердцем, за ним отправился Чина, в руке которого блеснул макаров, шествие замкнул Фома.

— Куда идти-то? — не выдержав, обернулся Юрий.

— Будто не знаешь. К шестому цеху.

Гидич снова хотел возразить, но его не слушали. Так, крадучись, они миновали небольшой плац, расположенный у края забора и добрались до тропинки, ведущей в шестой цех. Предприятие давно забуксовало, как с середины восьмидесятых годов получило возможность напрямую торговать с западными партнерами. На благо это ему не пошло, выяснилось, продукция «Микромаша», активно покупаемая военными, в Европе никому не сдалась вовсе — технологии, развиваемые в НИИ, отставали от общемировых лет на пятнадцать. А советский ВПК к этому времени поразила конверсия. Теперь предприятию приходилось создавать нечто экспериментальное для населения — инженеры переключились на игровые приставки и игрушки. Большая часть цехов встала, а оставшиеся выдавали продукцию, пылившуюся на складе. Народ предпочитал поддерживать китайского производителя.

Шестой цех так же был сдан дирекцией в аренду. Его выкупил Сизарь, едва прибыв в город: теперь на бывшей ведомственной территории располагался «заводской вертеп», как его поименовал Чина. Первый этаж здания ныне занимали игровые автоматы, на втором находились ресторан и стриптиз-бар, ежевечерне ломящиеся от любителей раздеваний под ритмы зарубежной эстрады, на третьем и четвертом располагался дом свиданий, то есть, красиво поименованный бордель.

— Сегодня Сизарь тестирует новую партию дамочек, — пояснил Чина, видимо, большой знаток в этом деле. Гидича передернуло. Он хотел что-то сказать, но его ткнули в спину, требуя идти дальше. Парламентеры добрались до окон бывшего цеха, сквозь пыльные разводы которых можно было увидеть находившихся внутри.

О публичном доме знали многие, многие его посещали и не только ради утех: это был центр быстрого заработка женщин средних лет, городских из Спасопркопьевска и сельских, прибывавших в Раздолье из соседних районов. Но если горожанки прибывали летом, надеясь перекантоваться до обретения более адекватного заработка, то селянки наезжали в конце осени, после сбора урожая. Сейчас пришла пора первых: Сизарь, немолодой невысокий человек в спортивном костюме с иголки с лицом сластолюбца, чьи виски посеребрила благородная седина, придиричливо осматривал кандидаток, тыкал пальцем, а после заводил их в своей кабинет для окончательного выбора. На последнем этапе дамами занимался венеролог, выносивший вердикт. Сегодня женщин пришло не так много, все больше в том бальзаковском возрасте, когда нормальную работу найти уже трудно, а до пенсии еще палкой не добросишь.

— Все, кричи своим, — сказал Фома, снова тыкая кулаком в спину.

— Да почему своим-то? — не выдержал Гидич.

— Потому что нашла Ида себе помощника на улице, как же. Хромой велел за тобой попристальней смотреть. Сизарь своего казачка нам решил подбросить. Так что не крути мозги и кричи своим, чтоб вышли.

— Сизарь брезгун, ни одну не пощупал, — хмыкнул Чина, отрываясь от окна и беря оружие наизготовку.

Гидич выдохнул. В чем-то головорезы правы, вот только убедить их в обратном возможности не имелось. Он покричал в окно, помахал носовым платком, давая понять браткам, что прибыли парламентареры. Из здания высыпало человек десять, одетых как Сизарь в спортивную униформу серых и синих цветов.

— Твою мать, шеф, да это те самые сволочи, что Кабана подстрелили! — рявкнул кто-то. Какое-то мгновение на плацу стояла полная тишина, после чего захлопали выстрелы. Гидич повалился наземь, пуля просвистела у самого уха. Вскрикнул подраненный Чина...

— Прекратить! Живо! Не видите, белый флаг, — голос, верно, принадлежал самому патрону. Гидич медленно огляделся, начал подниматься, несмело подняв руки. Вот так, по воспоминаниям друзей, они сдавались в плен моджахедам: с великой неохотой и таким же страхом. Те не любили брать шурави, чаще всего, кончали на месте. Но иногда обменивали на полоненных товарищей, из тех, кто не покончил с собой во время сдачи, унеся в объятья гурий еще несколько заклятых противников. Наверное, их потом расстреливали. Сейчас ощущения у Юрия были схожими.

— Поднимите его и давайте сюда, — распорядился Сизарь.

Гидича доставили в кабинет главаря, находившийся на последнем этаже цеха. Похоже, Сизарь решил обустроиться в Раздолье всерьез: весь пятый этаж занимало его представительство, вернее, один большой кабинет, который через скромную приемную и комнату телохранителей соединялся с лифтом. Видимо, так главарь пытался обезопасить себя от возможного покушения; конкуренты Сизаря пытались достать его еще в Екатеринбурге, когда тот был Свердловском, а патрон работал комсомольским активистом и сколачивал первое состояние, продавая на лом за рубеж пассивы местных предприятий. Советская власть обваливалась, народ выходил на улицы греться и митинговать, а ловкий аппаратчик уже нашел себе новое применение. Когда же он попытался наложить руку на местную самоцветную компанию, его быстро окоротили, отобрав наворованное, и выгнав со всех должностей. Сизарь отправился пытаться счастья в Спасопротокопьевск. Вот только здесь он встретился с еще одним теневым коммерсантом, на дух не переносившим конкурентов.

Подобную роскошь Гидич видел только по телевизору. Стены отделаны красным деревом, повсюду картины и иконы — Сизарь, не особо разбираясь в искусстве, вешал все, купленное за большие деньги. Мебель как из музея — или действительно оттуда?

В кабинет громилы вести его не стали. Остановились в приемной, дали налюбоваться обстановкой и отодвинули к стене, когда дверь отворилась, и вошел хозяин.

— Дружков твоих покойных Хромому выдам, не переживай, — произнес он, ровно для Гидича иной проблемы не существовало. — А чтоб к ним не присоединиться, отвечай по совести. Подумаю, что врешь, кочну сам.

И все это таким будничным голосом, от которого брала оторопь. Гидич постарался справиться с охватившим его волнением. В этом плане нет ничего лучше спокойного, но уверенного поведения — эту мысль он не раз доносил до товарищей, но испытать на себе курс выживания в плену довелось впервые.

— Я парламентар Хромого, — начал Юрий, но был тотчас оборван.

— Заткнись и слушай! Ты видел Иду? Мою женщину, — уточнил Сизарь. Гидич глянул тому в глаза, но тотчас отвел взгляд. Волка не следует дразнить подобным образом.

— Да, я познакомился с ней незадолго...

— Где она?

— У Хромого...

— Точнее.

— Была в его офисе. Но ребята сказали, ее переведут на склад.

— Как она? В порядке? — Гидич только кивнул в ответ. Этого хватило, на сердце у Сизаря заметно полегчало, он попытался улыбнуться и продолжил допрос чуть мягче: — Где находится склад?

— На улице Пришвина, адреса я не знаю.

— Верю, — куда более спокойно произнес главарь. — Ты там Семена Стахова, моего курьера видел?

— Не знаю никакого Семена, я у Хромого по случаю, — Юрий не стал объяснять, как оказался в банде, вряд ли Сизарь поймет, если он впутает в историю его кралю. Потому старался обходить все подводные камни.

— Это двоюродный брат Иды. Она должна была о нем рассказывать.

— Не видел, но слышал. Он тоже в подвале на складе. Хромой, говорят, там держит всех своих пленников или заложников.

— Спасибо, я в курсе. — Неожиданно главарь прищурился, глянув на ноги Гидича, потом произнес резко: — Ну-ка встань. Встань, я сказал!

Сизарь что-то шепнул помощнику, тот осклабился.

— Денег у Хромого крохи, раз он набирает увечных. Хороший знак. Выкладывай, что он велел мне передать?

— Требуется вернуть камни, которые, как считает, ты забрал у Стахова...

Лицо главаря заметно переменялось. Глаза метнули молнии.

— А как он выяснил наши отношения?

— Семен несколько дней находится там. Ида принесла за него выкуп...

— Камнями, ты хочешь сказать? Теми самыми камнями?

Гидич только кивнул, ожидая бури. Она не замедлила разразиться.

— Какого лешего! Выходит, она моталась не в Москву, как говорила, а к черту на рога, рисковала, ничего не сказав. Она же там в розыске. — Сизарь не пояснил, у милиции или банд, впрочем, его пленнику было в этот момент все едино. — Чего же она мне не сказала? Я бы не позволил!

Он замолчал, покусывая губы. К нему наклонился помощник:

— Босс, что нам с Идой делать? Если она в пыточной, то долго...

— Хромой не посмеет, кишка тонка, — кажется, он убеждал самого себя. — Знает, что я за нее сделаю. Всех по стенке размажу!

— Босс, но Ида сама к нему пришла. Тут что-то еще есть, как мне...

— Заткнись! — резко оборвал он подельника и прошелся по приемной. Остроносые ботинки, нелепо смотревшиеся под спортивным костюмом, поскрипывали при каждом шаге. — Мне надо подумать.

Какое-то время Сизарь метался взад-вперед, наконец, повернулся к Гидичу. Добра от его взгляда ждать не приходилось.

— Почему вы напали на моих людей? — обжигая взглядом, спросил он. Юрий невольно дернулся.

— Они били владельцев букмекерской конторы. Фома и Чина вступились. — Гидич попытался дистанцироваться, не очень удачно.

— А ты командовал, выходит. Хромой должен знать, что это моя земля, я всех на обеих Майских улицах и Партизанской площади дою.

— Но, босс, Хромой не согласился на раздел, — снова влез помощник.

— Так пусть знает! Пусть зарубит на носу: Раздолье перейдет ко мне. Ему лучше убраться, все равно я все отберу, разом или постепенно. — Сизарь повернулся к Гидичу: — Больно гладко отвечаешь, без принуждения.

— Я вас не обманываю. Сами убедитесь.

— Верю, — скривившись, главарь размахнулся и с оттяжкой всадил Юрию носком ботинка в солнечное сплетение. Тот, захрипев, рухнул на пол. — Это тебе урок, раскалываться с умом надо, иногда и помучиться не грех.

Запиликал телефон на столе. Сизарь хватанул трубку. Долго молчал.

— Кабан добрался до улицы Пришвина, телефонирует, что возле склада две легковушки. Кажется, готовит засаду. — Обернулся к помощнику и приказал: — Готовимся к выезду!

— Как? — только и ответил он.

— Ножками! Доставь сюда Лихого и живо! И еще, — он обернулся к Гидичу, — этого красавца упакуй, поедет с ним. Будет показывать.

День добрался до своей половины. Старые кварцевые часы «Чайка» Гидича показали четверть третьего, когда дверь его узилища отворилась, и в нее вошли трое крепышей, обвешанные оружием. Юрий выдохнул, отчего-то визит пленителей его утешил. Все это время, пока он находился наедине в небольшой кладовке, мысли, взбесившись, вышли из-под контроля, непрерывно напоминая о Глаше. Девочка, верно, начала беспокоиться, куда папа Юра запропастился. Так она называла его в приюте, так продолжила именовать и после.

Четырехлетняя кроха прилипла к нему, едва увидела — тогда Юрий пришел первый раз осведомиться, что стало с дочерью алкашей, лишенных прав. Первый раз он прибыл, уверяя себя, что лишь удостоверится в благополучии Глашиной судьбы, кривил душой, конечно. Девчушка ему нужна была ничуть не меньше, чем той новый папа. Детдом почти лишили финансирования, страна де-факто прекратила существование, вот только обитатель Кремля упорно не желал принять этого, ежедневно приходя на работу — одиночка, запертый в замке красного кирпича.

За месяц до падения державы Гидич выбросил таблетки снотворного, способного свалить лошадь, которые все это время бережно хранил «про запас», страхась и лелея крамольную мысль о неизбежном уходе, их место заняло фото Глаши. Постылая жизнь, в которой Гидич не мог, а потом и не желал найти место, круто переменилась, так получилось, что вместе со всей страной. Но Юрий почти не обратил на это внимания — весь девяносто второй он обучал себя и дочку языку жестов — чем не удосужились заняться в приюте, почитая кроху недоразвитой, а потому безнадежной. Теперь Глаша умела читать и писать, принялась за изучение таблицы умножения, магнитик с которой Гидич прикрепил над ее кроватью.

— Собирайся, спортсмен, — приказал вошедший, вооруженный короткоствольным АК-74, маслянисто поблескивающим в руках, верно, только со склада, — поедешь с нами. Прикрывать будешь.

Гидич почти не сомневался, что братки возьмут его с собой, раз почитают наемником противоборствующей стороны. Будут прикрываться им и, выискивая цели, уничтожать конкурентов. Встревоженные мысли враз улеглись, в голове снова наступил должный порядок. Теперь его главная задача, потихоньку улизнуть. Если Хромой пообещал достать его с другого края земли, то Сизарь подобным желанием не горел; верно, избавится за ненадобностью, как только отобьет свою женщину.

Сам главарь остался на территории «Микромаша», вместо него в бой отправились две машины — семь человек «спортсменов», одетых схожим с Юрием образом в шерстяные спортивные костюмы и беговые кроссовки. Обе легковушки выехали через час, а возле поворота на улицу Пришвина разделились. Первая двинулась в проулок, а вторая, выждав немного, отправилась на склады напрямую.

Сизарь рассчитал все верно, его ждали. Вот только бойцы сообразили не влезать в расставленные силки, а лишь сделать вид. Когда машина, везущая Гидича, подобралась к широким металлическим воротам массивного трехэтажного здания, когда-то выкрашенного в голубой, но сейчас вернувшегося к изначальной серой расцветке, на крыше противоположного строе-

ния, давно заброшенного, началась беспорядочная пальба, впрочем, быстро стихшая. Спустившись по голым бетонным этажам, бойцы присоединилась к товарищам. Засевшая на крыше долгостроя засада Хромого была уничтожена с ходу. После чего с воем и улюлюканьем шестеро братков, Лихой тащил за собой Гидича и чуть подотстал, ворвались на склад. Это их лихачество вдруг напомнило Юрию игры в ковбоев и индейцев, где отважные апачи захватывают неприятельский форт.

Гидича потащили к калитке в воротах, оттуда по лестнице наверх. Стрельба доносилась с разных сторон, эхом гуляя по просторному помещению с потолками метра в четыре. Неведомо, зачем понадобились Хромому склады, но в настоящее время они практически пустовали, лишь штабеля ящиков водки на паллетах располагались в дальнем конце первого этажа, не исключено, что владелец по примеру других известных личностей отечества, решил выпустить свой бренд сорокаградусной продукции. Интересно, вдруг подумалось Гидичу, мысль которого продолжала работать ясно и четко, подмигивает ли на ярлыке Хромой как Распутин с этикетки?

Стрельба продолжалась уже минут пять, но развязка не наступала. Прежний штурм сменился затяжной осадой, в которой перевес мог придти не столько к внимательным, сколько к экономным. А ребята Сизаря на свою голову патронов не жалели. Неудивительно, что один, быстро разбазарив боезапас в два рожка, поспешил к товарищам за питанием и был срезан короткой очередью кого-то из защитников. Лихой кусал губы в отчаянии, он один понимал невозможность ведения долгого штурма, остальные слишком уверились в легкую победу, начатую на противоположной стороне улицы, а теперь им приходилось перестраиваться, метр за метром продвигаясь вперед под шквальным огнем засевших в укрытиях; они-то недостатка в боезапасе не имели.

Сказалось неравенство сил. Братки Хромого явно рассчитывали перебить прибывших на подходе, когда же их план провалился, они начали организованно отступать, а когда, невзирая на потери, головорезы Сизаря зажали их в дальнем углу, решили выбираться.

— Драпают! — восторженный вопль прокатился под сводами склада. Бойцы воодушевились, пошли в решающую атаку. Лихой, перехватив автомат, рванулся за ними к лестнице, ведущей на цокольный этаж, в ту самую пыточную, о которой говорил Сизарь.

С яростными воплями братки скатились по лестнице. Внизу располагался склад-холодильник, вероятно, раньше здесь хранились меха. Теперь головорезы выбивали и выстреливали замки, рискуя попасть рикошетом в себя же, искали Иду и ее брата. Лихой опередил всех, именно на него была возложена Сизарем миссия спасти кралю. Гидич внезапно оказался позади и начал быстро сбавлять ход. Оглянувшись на лестницу, остановился. Потом пошел назад. Его все еще не замечали.

Когда до вожденной двери наверх, маняще полуоткрытой, оставалось всего ничего, Юрий напоролся на еще одного «спортсмена», правда, связанного, пытающегося освободиться от пут. Это и был тот самый Семен Стахов. Молодой парень чуть за двадцать, внешне совершенно непохожий на Иду, вывалился в коридор, и старательно избавлялся от пут, а заодно и стула, к которому был примотан веревкой и дополнительно приклеен не слишком надежным скотчем. Он отшатнулся от Юрия, приняв его за своего, пусть и неузнанного, метнулся навстречу Лихому, крича:

— Я тут, парни! Спасибо, что пришли. Я верил, знал, не бросите!

— Где Ида? — спросил Лихой, оборачиваясь и замечая Гидича, помогающего Стахову освободиться от пут. Трудно сказать, что он подумал в этот момент, но подойдя, достал нож и, Гидич невольно вздрогнул при этом, стал обрезать запутавшийся скотч. Наконец, Семен отделился от стула.

— Иды здесь нет, парни, — быстро заговорил он, — сейчас же отходите. Хромой вызвал подмогу, через час сюда заявятся вся банда!

Лихой глянул на товарища. Обернулся к своим. Подсчитал.

— Двое раненых, один убит. Кабан, дуй к телефону, сообщи обо всем боссу, пусть его голова думает. А мы пойдем собирать дань. Тут должен быть арсенал Хромого. Парни, ищите.

Головорезы рассыпались по цокольному этажу, с Гидичем остался только Стахов, все еще не заметивший разницы между своими и Юрием. Оглянувшись, Гидич спросил:

— Здорово они тебя приласкали?

Семен покачал головой:

— Терпимо. Я сам удивился, не били вовсе, только раз паяльником прижгли. Ерунда, прошло.

— Я наверх, посмотрю, что слышно.

И спокойно двинулся к лестнице. Стахов кивнул ему напоследок, отправившись к Лихому, последний как раз выглянул в коридор. Гидич, среагировал мгновенно и бросился в дверь. Браток сообразил, что случилось, но достать не успел, Юрий уже взбегал по лестнице. Набойку мастер поставил отменно, нога не болталась, Гидич хромал почти так же быстро, как до ранения, во всяком случае, ему так казалось.

Лихой чуть затормозил, пытаясь обойти Стахова; именно эта задержка спасла Юрия. Он выскочил наружу, метнулся было прочь, но тут же вернулся, подпер дверь арматурой, вогнав толстый прут поглубже в трещину асфальта, и только тогда поспешил в сторону улицы Алексея Толстого, параллельной Пришвину.

Гидич не сразу сориентировался, куда ему бежать, потому первые двести метров хромал в сторону, противоположную станции. Он нечасто бывал в Раздолье, обычные его визиты редко когда уводили дальше привокзального рынка, разве прежде, когда Юрий наезжал сюда в далекой юности. Таня жила именно тут, на Водовзводной улице. Выходя из шестого маршрута, он искал в окне знакомый силуэт, иногда просто махал рукой, давая понять, что прибыл. Таня встречала его внизу, нежная, тонкая, пахнущая лавандой и мятой.

Его глаза остановились на милицейском участке. Гидич прошел еще пару метров, но долг требовал, он решил зайти. Сам не понимая, зачем, Юрий переступил порог, обшарпанный ногами тысяч просителей.

Он не доверял правоохранителям. Старался не сталкиваться, памятуя о прочитанном в газетах милицейском произволе и безволии, а потому обходил подобные заведения десятой дорогой. Гидич последние годы вел жизнь заурядного обывателя, старающегося преступать закон по минимуму, это касалось неуплаты налогов (а кто их сейчас платит?), не высовываться и не загадывать дальше следующего дня. Последние лет пять газеты только пугали; когда размах гласности в стране превысил определенный предел, журналисты будто в разнос пошли. Каждый пыжился перещеголять конкурента, выливая иссиня-черную краску на все, подвернувшееся под руку. Наверное, имелись и перехлесты, даже скорее всего. Но подобное очернение имело под собой основу, взять хоть статистику. Сперва Союз, а затем и Россию накрыл вал преступности. Правоохранители, сидевшие на минимуме зарплат и возможностей, априори не могли конкурировать с преступниками, в чьи руки попадали все новинки и достижения технического прогресса. Увольнения носили массовый характер, а подкуп оставшихся, стал частью новой обыденности. Но Гидич все же зашел, смущенно покашляв, обратился к дежурному, протянув удостоверение ветерана, удивительно, что его, как и кошелек, не забрали ни братки Хромого, ни головорезы Сизаря.

— Слышали, — недовольно буркнул старший сержант, отвлекаясь от бумаг, горой насыпанных на узком столе. — Сегодня братва раздухарилась. Как бы войной ни пошли. — Он поднял голову: — Вы, это, поосторожней на улицах. Еще попадете под раздачу.

— И это все, что вы скажете?

— А что вам еще надо? У нас «Газик» на ремонте, парни на своих гоняют или ножками ходят, как при нэпе. По-вашему, я сейчас побегу к майору Скворцову докладывать, мол, так и так, товарищ начальник, у нас ЧП, выдайте всему составу по табельному макарову и пошлите на убой — что они этими пукалками да против «калашей»? Молчите? Да пусть хоть обстреляются, нам только легче. Вам, кстати, тоже.

Гидич смолчал, не зная, что ответить. В этот момент в конце обшарпанного зеленого коридора, ведущего в недра отделения, открылась дверь, откуда вышел погрузневший мужчина в застиранном темном костюме неопределенного цвета со стаканом в руке. Спросил дежурного, что слышно нового на Пришвина. Сержант кивнул на Гидича.

— Вот, заявитель оттуда припожаловал, — хмыкнул тот. — С претензиями.

Гидич начал рассказ об увиденном возле складов Хромого, стараясь не вдаваться в подробности, понимая, какой вал бесполезных вопросов последует после его заявления о пребывании в банде. Майор тотчас перебил Юрия, поинтересовавшись документами; лицо его прояснилось, едва Скворцов увидел корочку.

— Извините за недоверие. Прошу в мой кабинет, там все обсудим.

Гидич хотел отказаться, скосив взгляд на часы напротив дежурного, но решил, что лишних полчаса не повлияют. Жаль, Глаше не позвонить, провести телефон в коммуналку обещают вот уже лет десять. Евгения Ивановна, перестав верить городским властям, собирает деньги на пейджер.

Закрыв дверь, майор жестом пригласил капитана сесть, сам устроился рядом, а не на своем месте, показав доверительность предстоящей беседы. От Скворцова тискло пахло потом и бергамотом — начальник отделения только что перекусил.

— Я понимаю и разделяю ваше беспокойство, — начал он, — Последнее время у нас мало обеспокоенных граждан, все по домам сидят, боятся, чего скрывать. Но и вы войдите в наше положение. Конкурировать даже с одной бандой для нас проблема, что говорить о двух. Для Раздолья это большая беда, что сюда припожаловал Сизарь. Раньше спокойно было, Курбанов, он же Хромой, заботился о порядке в городке, или хотя бы делал вид.

— Хотите сказать, у вас с Хромым договоренности? — сощурившись, спросил Гидич напрямую. Скворцов дернул плечом.

— Знал, куда вы клоните. Все равно неприятно: ты и так в грязи, а тебя туда лишний раз окунают. Нет у нас возможности с Хромым справиться, нет. Я вам как на духу говорю. Сейчас еще такой отток молодежи из милиции. Все либо в бандиты бегут, либо в частный сектор: охрану, сопровождение и адвокатскую палату. Там ведь теперь медом мазано. А мы на свои бензин покупаем.

Он вздохнул и замолчал. Гидич понял, что майору давно хотелось выговориться, вот он и нашел равнодушного, да при погонах, но при этом постороннего собеседника.

— Я вас понимаю и нисколько не осуждаю, напротив. Мне помочь как-то хотелось. Видите ли, кое-что о составе банд я могу рассказать. Может опознать кого получится.

— Спасибо, конечно, но что это даст? Одних посадим, вторые появятся. А этих еще сразу выпускают, у Хромого такие законники, не приведи боже. Я же говорю, вот уже год Сизарь с Курбановым конфликтуют, а город страдает. И сил у них не уменьшается, все время где-то новых находят. Нет, мы конечно, досье копим, но вся надежда, что из них другого одолеет.

— А вы, если не секрет, на кого ставите?

Майор покачал головой.

— Это не тотализатор, — жестко сказал он и тут же прибавил: — А вообще на Хромого. Мы его лучше знаем, болевые точки нашли и трех подручных за прошедшие полтора года посадить сумели. Правда, он много для города успел сделать. Боюсь, захочет Курбанов мэром стать, его в горсовет на руках внесут.

— Это за стадион, рынок и...

— Это потому, что нынешний голова еще хуже. — Скворцов раздраженно махнул рукой. — Трепло и взяточник, каких мало, его областная прокуратура два года свалить не может. Кажется, он с Курбановым в контрах. А с Сизаренко...

— А кто за Сизарем стоит?

— Золото, — кратко ответил майор. — Оно самое. Одно время назад он приватизировал золотой рудник в Челябинске, год назад его выбили воротилы покрупнее, но связи остались, а потому поток не иссякает. Вот он и покупает все и вся. Вербует отовсюду...

Майор замолчал, неожиданно вспомнив. Начал с новой строки:

— К нам приходили товарищи из ФСК, этого нового КГБ, — усмехнулся Скворцов. — Вербовали желающих на новую войну, на этот раз в Чечню. Не сидится им на месте, пять лет прошло с прошлой, а они радешеньки новую начать, уже в самой России. Мне поехать предлагали, нашим всем. Это как во Вьетнам «советниками», по липовым документам, но за реальные деньги.

— Полторы тысячи долларов, я слышал.

Скворцов наклонился.

— Может, зря отказались? Вам место в танке не предложат, а опыт, это как царские червонцы, всегда пригодится. Не поймите неправильно, в вашем финансовом положении, которое буквально видно...

Гидич поморщился.

— Я понимаю, вы добра желаете. Но у меня дочь семи лет, с... с проблемами. Мне от нее отлучаться нельзя.

Майор кивнул.

— Понимаю. У самого подросток, за которым глаз да глаз. — Он махнул рукой в сторону стола. — Может, чаю будете?

Когда Гидич добрался до станции, его взору предстала картина самого скверного свойства. Двое молодчиков Сизаря прореживали толпу возле выхода с перрона, явно кого-то выискивая. Одного Юрий узнал, это был один из приближенных главара, с которым он сталкивался в заводских апартаментах. Гидич растерянно обернулся по сторонам, в этот момент к станции подъехала заляпанная белая «Волга» без номерных знаков, такие обычно используют головорезы для перемещения внутри города. Из нее вылезли еще трое, о чем-то переговариваясь и яростно жестикулируя. Юрий начал отступать, потом, неожиданно для себя пустился в бегство, но через десяток шагов наткнулся на пожилого мужчину в стогом сером костюме-тройке и шляпе-дипломатке.

— Вам помочь? — спросил он, оглядываясь на толпу, собравшуюся у выхода с перрона. — Мне кажется...

В ответ Гидич только кивнул. Мужчина посерьезнел.

— Следуйте за мной. Идемте, пока они вас не узнали.

Собеседник решил, что братки высматривают именно Гидича, впрочем, в тот момент и сам Юрий придерживался схожей мысли. Потом отпустило. Взаправду, зачем Сизарю он сдался? Будто у того других проблем не имелось. Взять ту же Иду и ее брата.

Мужчина жил неподалеку от вокзала на Плешке, так именовался у аборигенов невысокий холм, круто поднимавшийся к северу от станции. Этот район в запечатанные времена носил название Плешивой слободки. Наименование это давно стерлось с карт, но в народной памяти сохранилось, со временем преобразившись и сократившись.

По дороге они познакомились. Собеседником Гидича оказался профессор философии Игнат Савельевич Артемьев, последний из могижан, как сказал сам ученый, снимая шляпу и проводя гостя в кухню — именно ее окна выходили на пристанционную площадь, хорошо просматривающуюся с крутого холма. Квартиру он делил с Анной Кривко, молодой девушкой,

работавшей в местном театре — удивительно, но тот еще сводил концы с концами, хотя ни от государства, ни от Хромого дотаций не получал. Главварь предпочитал массовые зрелища, в чем не стеснялся признаваться.

За чаем собеседники разговорились. Профессор, человек внешне спокойный и рассудительный, быстро разгорячившись, перевел беседу на свои проблемы с истории собеседника, о котором вызнал только, что тот укрывается от Сизаря, а залетного головореза, как поименовал его ученый муж, здесь никто на дух не переносил. Достаточно выглянуть в окно и увидеть, что его бандиты устраивают на станции. Братки по-прежнему упорно кого-то искали, выезд из Раздолья для Гидича оставался закрыт.

— Это страшный человек, да разве один он, — продолжал профессор, быстро переключившись на дела вечные с сиюминутных. — Насколько выворотным стало время, если за то, что порицалось еще несколькими годами прежде, теперь уважают. Ту же спекуляцию возьмите. Когда-то за нее сажали пять лет назад. А сейчас главные люди страны занимаются этим, гордятся. Но ладно экономика, я о жизни. Наши журналисты в последние годы какой-то культ уголовникам создали, а люди его подхватили. Теперь дети, если спросите, о какой профессии они мечтают, отвечают: рэкетир или проститутка, иногда, вор в законе. Я понимаю, это пена, схлынет со временем, но боюсь, одно поколение мы уже потеряли.

— Мне кажется, вы утрируете, — осторожно заметил Гидич, поглядывая в окно. Ему вдруг захотелось поговорить о Глаше, но Юрий никак не мог вставить хоть слово о дочери, ученый муж, стосковавшийся по душевному разговору, решительно не давал этого сделать.

— Отнюдь нет. Учтите, насколько легко наши люди переменили мнение обо всем прежде составлявшем для них непреложную истину. Я знаю, человеческое сознание очень пластично, но не настолько же.

— Вы хотите сказать...

— Да. Изначально идеалы, прививаемые в СССР, казались некоторым чуждыми, с годами многим, а под конец Союза так большинству. Отрицание родило отторжение. Неважно, насколько хороши или плохи были идеи, они теперь считались постыдными. Впрочем, тут есть и вина предыдущего поколения, моего. — Он помолчал, глядя на собеседника. — Судите сами, последние годы Советской власти мы жили в отрицании тех норм поведения, которые нам диктовал научный коммунизм и воззрения партии. Мы жили во лжи, а это хуже, чем даже нынешнее выворотное существование. Ложь всегда хуже. Она рождает подлость, предательство, она породила наше время. Мы с пеленок учили детей кривде. Тому, как надо слушаться, но не слушать, соглашаться, но не верить, принимать, не обсуждая, но и не одобрять, держать фигу в кармане и усмехаться про себя. Мы извратили само понятие общности, чему же теперь удивляться? Люди воспитаны на подозрениях, на чуждости к ближнему, мы убеждали, что от соседа можно ожидать не столько помощи, сколько доноса, что государство непременно обманет, что народ растопчет, а близкий, родной человек предаст. Сейчас мы пожинаем эти плоды, получив общество, которого боялись, но это именно то общество отрицания, кое мы в себе и детях своих воспитали, мы, родители, и мы, власть.

— Зря вы себя с властью сравниваете, — не выдержал Гидич.

— Нет, не зря. Я учитель, а потому тоже повинен в воспитании нынешнего поколения нигилистов, которому с кафедры говорил одно, а на кухне — прямо противоположное. Да и нового дворянства в СССР не сформировалось, большевики любили выдвигать наверх простых людей, а они обучены такими же простыми людьми, как мы, впитавшими с молоком матери все то, о чем я говорил раньше. И вот итог. Амбициозность, за которую на Руси всегда презирали, стала жизненно необходимым чувством, атеизм с презрением растоптан, вместо него засилье средневековых догм. Наука в упадке, зато маги и колдуны в фаворе. Мы не производим знания, мы их покупаем, ибо делец, всегда считавшийся третьим сословием, стал первым, царем прочих. И долго, как вы думаете, мы протянем в этом странном состоянии? Думаю, вряд

ли. Должны одуматься, но когда поймем, что у нас останется? Кем мы станем, наконец. Объявить черное белым просто, даже очень, мой коллега в том преуспел. Старший преподаватель научного коммунизма, когда этот предмет отменили в вузах, нашел себя в обучении студентов философии, моих коллег же отправили в отставку. Я теперь натаскиваю школьников по литературе на дому, вот и все мои заслуги перед отечеством.

Он красноречиво развел руками.

— Назвать черное белым будет затруднительно даже вам, — зачем-то решил поспорить Гидич, снова глянув в окно. «Волга» все не уезжала.

— Вы думаете? Это очень легко. В две минуты сделаю, засекайте время.

Замок входной двери щелкнул, в квартиру кто-то вошел. Профессор не обратил на это никакого внимания. Наклонившись через стол к Гидичу, доверительно начал:

— Вы же прекрасно знаете, что подлинно белого цвета не существует. Он есть, но чисто теоретически, как некая абстрактная модель. Мы же в быту оперируем лишь оттенками серого. Согласитесь, что это так.

Юрий, подумав, кивнул. Снова выглянул в окно. Возле «Волги» без номеров шебуршились люди.

— Согласитесь так же, что раз не существует в природе идеально белого цвета, не может существовать идеально черного. То есть, это черный на девяносто девять и девять в периоде процентов. Значит, он все равно бесконечно темный серый. Но тогда получается, что и черный и белый цвета тождественны — они же оттенки серого, только в разных долях, вы же сами согласились принять это за постулат.

— Но я... — Гидич растерялся. Хмыкнул. — Черт возьми, хитро вы это придумали.

— Психология, — ответил профессор, на лице которого разлилось благодушие торжествующего человека. — Как только мы отступим от основополагающего понятия, окажемся на зыбкой почве сомнений и допущений. И нас легко будет уговорить сделать еще одно допущение, потом еще — и так пока не дойдем до финального. Вроде бы каждый раз мы уступаем чуть, но в итоге начисто проигрываем. Это как с законом, если сделать одно исключение, за ним последует другое, потом еще, и так далее, пока мы не придем к состоянию оруэлловского скотного двора, когда закон будет действовать для одних, а «понятия» для других. — Он вздохнул. — Удивительно еще, что написанные властями нормы и правила соблюдаются; если или когда наверху решат от них избавиться, вот тогда станет по-настоящему худо. Только мы этого не заметим, увлеченные отступлениями.

В кухню вошла молодая девушка в еще не так давно модных вареных джинсах и зеленой синтепоновой куртке под горло. Гидич поднялся.

— Добрый день, Игнат Савельевич! — задорно улыбаясь, поприветствовала она соседа. — Нашли нового слушателя?

— Знакомьтесь, Юрий, это моя соседка Аня. Вы рано сегодня. А мы с гостем обсуждаем разные проблемы...

— Да что же вы чай-то не поставили? Кормите гостя историями, а про самое важное забыли.

— Я рассказывал молодому человеку о той скрытой пользе философии, о которой многие не подозревают. Но вы правы. Подождите, Юрий, мы сейчас все наладим.

На столе появились пакетированный чай, пахнущий страстоцветом, баночка вишневого варенья, крекеры и кое-что покрепче. От польского ликера Юрий отказался, мало ли как дела обернутся. Девушка под села за стол, соседями они были дружными.

— Напрасно, — сказала Аня, наливая себе рюмку, Гидич ощутил дразнящий запах миндаля. — От ста грамм ничего не делается.

Профессор старательно объяснил пришедшей, откуда появился Юрий, как с ним познакомился, и почему гость так живо интересуется закоренным пейзажем. Девушка кивала.

— Понимаю, хотя представить себя на вашем месте не смогла бы. С ума сошла от страха. — Помолчала и прибавила неожиданно: — Сизарь у нас частый гость в театре, день рождения своей очередной пассии отмечал, да и без дел навевается. Каждый раз с новой, — неприятно усмехнувшись, прибавила она и продолжила: — денег-то без счета.

— А вы в каком театре служите? — поинтересовался Гидич.

— Классического и народного танца имени Моисеева. Это, на пересечении Магистральной и Плещеева. Я там четыре года как, еще советскую власть застала.

— Трудно сейчас?

— Еще бы. Это Игнат Савельевич хорохорится, а мы загибаемся. Сами судите, — Аня даже пододвинулась к Юрию поближе и, не отрывая взгляда, продолжила: — репертуар обновлять некому, режиссер сбежал, декорации ремонтировать не на что. Выручает чес по соседним колхозам и селам, там нас хоть привечают, иногда деньгами делятся, но чаще продуктами затариваемся. Осенью хорошо прокатились по всей области, за октябрь-ноябрь полсотни концертов дали, плюс потом на новогодних мероприятиях, корпоративах, — вспомнила новенькое словечко, — выступали с размахом. Тем до весны и жили. Вот анекдот, раньше в колхозы театр гоняли в наказание, а сейчас сами рвемся. С филармонией конкурируем. Натурально как шапито.

— Как в «Дороге» Феллини, — не смог сдержать улыбки профессор, но его никто не поддержал, казалось слабое знание мирового кино у собеседников. — Выходит деревня для России всегда нечто большее, нежели кормильцы. Над этим надо хорошенько поразмышлять.

— Попробуйте, — улыбнулась Аня. — Будет интересно поспорить.

— Плюс не забывайте вклад Сизаренко. Он, хотя и вор, но тоже тянется к возвышенному.

— Да что он? Снимет помещение, приведет гостей и ..., — прибавила она нецензурное, но рифмованное определение их спутниц, профессор невольно поморщился, но спорить не стал, — посидит и уйдет. Такие визиты разве выручат? Мы на себя больше надеемся.

— Так и надо жить, — влез Артемьев. — Вот я. Мне досадно, что мои знания ныне никому не нужны, но не обидно то, чем я занимаюсь. Протяну и на преподавании. А вы, Аня, на себя клеветеете. Стриптизом вас никто не заставляет заниматься, в эскорт не нанимает.

— Еще не хватало!

— Преступники тоже люди, а раз им потребна культура, раз они в нее деньги вкладывают без отдачи, так это хорошо. Может, переменятся.

— Горбатого могила...

— Не скажите. Еще Лев Шейнин, писатель и заместитель недоброй памяти генпрокурора Вышинского в тридцатые написал заметку в «Известия», призвал преступный мир стать честными гражданами. Ему многие поверили и пришли с повинной...

Этот разговор, верно, длился у них не один день или месяц, ибо обе стороны немедленно выдвинули привычные аргументы и потом, уже по традиции, продолжили пикироваться. Чай стыл. Гидич снова выглянул в окно, но «Волга» стояла как приклеенная. Возле нее расхаживал какой-то субчик, отсюда не разглядеть, возможно, вооруженный рацией, ибо было похоже, что беседу ведет он сам с собой.

Юрию подумалось, насколько бы лучше Глаше жилось здесь, а не с вечно поддатым соседом и его «женой-пилой», как он именовал супружницу. С девочкой у Евгении Ивановны сразу не заладилось, ей то казалось, что Глаша непременно что-то стащит по детдомовской привычке, то, что спалит квартиру от неумения обращаться с электроприборами. Соседку и сама дочка не любила, побаивалась. Первое время кроха так вовсе дичилась всех, ночью иногда просыпалась в ужасе и забивалась в шкаф, за пальто, где кемарила. Случается и с ней подобное и сейчас, но куда реже. Да и на улице ее вроде перестали задирать. Девочки подходят, по-своему с ней объясняются, не шарахаясь от ее листков и ручки. Хоть не все умеют читать и писать.

— Все еще стоят в засаде? — спросил профессор. Юрий кивнул.

— Так что же вы мучаетесь! — воскликнула Аня. — Можно на двадцать восьмом доехать до «Передельной», там спокойно сесть. Электричек больше отправляется, это ж не наша глухомань.

Гидича проводили до остановки; он был рад и смущен подобному вниманию. Снова поймал себя на мысли, что не отводит от Ани взгляда — тонкая как стебелек девушка бросала в его сторону дружеские взоры, которые он принимал, верно, с излишне доверчивым желанием. Хотелось подольше поговорить неважно о чем, посидеть в их уютной квартире, где царят покой и дружество, поделиться своими невзгодами и радостями. О Глаше рассказать, наконец. За все время Юрий так и не помянул, что у него есть дочь, хоть вспоминал о девочке постоянно. Вот и сейчас, когда они прощались, в голову лезли мысли — как бы дать знать, что папа скоро вернется. Уже половина шестого, если поспеет на элеткричку, в семь будет дома.

С первой частью пути ему повезло. Автобус пришел как на заказ, что для Раздолья большая редкость. Игнат Савельевич по-отечески тряхнул руку, Аня пожелала удачи и неожиданно приникнув, поцеловала в щеку; Гидич страшно смутился, едва сообразив, как следует поступить. Прощальный поцелуй спутал все мысли.

Когда он шел дворами к «Передельной», стало потихоньку смеркаться, на Раздолье медленно напозла плотная облачность, обещающая дождь и ранние сумерки. Повеяло холодком. Транспорта на дороге стало больше, он уже включал фары, слепя редких пешеходов. Одна такая машина, едва не налетев на зазевавшегося предыдущей Гидича, остановилась в метре от Юрия. Дверь распахнулась.

— Афганец? Не чаял тебя увидеть, — донесся неприятно знакомый голос. Гидич отшатнулся. — Куда же ты? Заходи на огонек.

Во внедорожнике было сильно накурено. Застоявшаяся вонь не сходила, несмотря на приоткрытые окна, Гидич, давно бросивший курить, только морщился. Водителем мордатого «Гранд чероки» оказался один из крепышей Хромого, тот самый, которого Юрий так и не оприходовал в офисе дверью при бегстве. Он сосредоточенно вел машину, жадно вбиравшую дорогу: лицо напряжено, пальцы побелели, губы сошлись в узкую полоску под черной щеточкой усов.

Как только Гидича затащили внутрь, Секач, так звали шофера, позвонил шефу по тяжеленному спутниковому телефону, чья антенна тихо шелестела по кожмитовой обивке потолка. Сотовых вышек в Раздолье пока не имелось, а потому браткам приходилось здорово переплачивать за разговор. Обычный радиотелефон Хромой презирал, почитая его советским пережитком.

Услышав о поимке Гидича, главарь даже обрадовался.

— Живо тащи сюда. У меня уже пятерых не хватает, а тут такая чехарда началась.

— Четверых, — поправил шефа Секач. — И двое раненых.

— Один в больнице, состояние, считай, готов. А Сизарь обошелся всего двоими трупами. Не забывай, на его золото со всего города и окрестностей ходоки стекаются. Другой возможности может не быть. Сам сказал, он на складе намертво засел.

— Точно так, контролирует.

— Значит, мое оружие, считай, уже его. Продолжай снимать отовсюду ребят, понял?

С полчаса или чуть больше машина металась по городку, собирая людей Хромого. За это время Гидич узнал новые подробности происходящей в Раздолье вражды двух равно уважаемых семей. Оказалось, пока он пытался сесть на электричку, Сизарь прибыл на отвоеванный у Курбанова склад. Позвонив оттуда, выдвинул требование: здание и все его содержимое он вернет при одном очевидном условии, которое звалось Идой. Еще Сизаренко потребовал возвратить камни, что хозяина Раздолья удивило, но тут он решил сопротивляться и позицию отстоял. Для золотого гостя куда важнее была его женщина. Это понимала и противная

сторона. Убеждая заклятого оппонента в искреннем желании покончить с враждой, Хромой втихую готовился к сражению. Когда у него еще будет возможность ликвидировать конкурента, положив конец затянувшемуся двоевластию в городе.

Минут через сорок внедорожник вывернул к офису Хромого. Гидич содрогнулся, едва увидел приземистое здание гостиницы. Кошмар, начавшийся именно здесь утренними часами, не думал прекращаться, Юрий ровно попал в сон, из которого не находилось выхода. Очень хотелось ущипнуть себя, чтоб придти в себя.

Его потащили вверх, завели в помещение «Импринта». Хромой восседал на столе, держа телефонную трубку в руке, другой жестами пояснял помощникам и поделщикам план предстоящей операции. Гидича втокнули внутрь, Курбанов глянул на него, потребовал подвести поближе.

— Больше бегать не будешь? — спросил главарь. Юрий поморщился.

— У меня дочь с утра одна, мне надо к ней, — честно произнес он.

— А мне надо разделаться с Сизарем, — Хромой помолчал чуть и прибавил: — Давай так. Ты парень боевой, если поможешь мне, я помогу тебе. Даже денег дам, много. Держи задаток, — он протянул Юрию несколько стодолларовых банкнот, — за получасовую работу.

— Спасибо, — Гидич не поднял руки, — Ида мне уже двести баксов за сопровождение обещала. Хватит на сегодня.

— Как знаешь. Получишь пистолет, пойдешь со всеми штурмовать склад. Как закончишь, выдам тебе штуку баксов и отправлю на все четыре стороны. По лицу вижу, что согласен.

— Согласные говорят «да».

— У тебя выхода нет. Держи ствол, патроны получишь на месте. Кто-нибудь, дайте парню перчатки, а то он собирается милицию порадовать.

Похоже, сон заиклился, двинувшись по старому маршруту. Подобные картины Юрий видел в кошмарах, когда в начале прошлого года подхватил какой-то мерзкий грипп, от которого приходил в себя недели две. Они совсем без денег остались. Тогда Гидичу тоже снилась Глаша, которая звала папу, а он все никак не мог до нее добраться, вроде знакомый путь, да только выводил всякий раз в другие места, все более от нее отдаляющиеся. Сейчас уже половина седьмого...

Он запретил думать о времени. Обо всем. Протянутый пистолет взял, отодвинул затворную раму, патронник пустовал. Сунул за пояс.

— Я потом приеду за расчетом, — холодно произнес Гидич, не узнавая собственного голоса. Глухой, скрипучий, он будто принадлежал старику. Юрия пронял холод, он вздрогнул и сделал шаг назад.

— Семен, ты еще здесь? — поинтересовался в трубку Хромой. — Тогда как мы подъедем, заведи Сизаря на второй этаж и держи там, чтобы ни случилось. Мне важно, чтоб он на виду у снайпера был, ясно?

— Так Стахов на вас все время работал? И чего ради тогда выкуп? — не выдержал Гидич. Курбанов неохотно обернулся.

— С некоторых пор люди становятся сговорчивей, — пояснил главарь. — Взять Семена или тебя. У всех есть цена, но не все это понимают.

Когда Гидича сажали в машину, неожиданно проснулся и ожил самый паскудный его враг — страх. Юрий вдруг ощутил боль в груди, холод объял его, настоящий сибирский мороз, он задрожал непроизвольно, безуспешно пытаясь унять тремор. Сердце колотилось сильнее, а боль все усиливалась. Внезапно он увидел перед лицом прозрачную бутылку со знакомым лицом Распутина на этикетке.

— Подкрепись перед поездкой, слабонервный, — дружески усмехнувшись, произнес Секач. Юрий благодарно кивнул, отпил глоток, другой. Горло знакомо ожгло, боль медленно отступила. Он выдохнул.

Первое и последнее средство, что здесь, что на фронте. В первые две командировки Гидич как-то обходился без спирта, жарко, да и в семье не было принято употреблять крепкий алкоголь. И со страхом он справлялся сам. Кроме того, вперед никогда не заглядывал, это здорово помогало. Но когда стало известно, что война скоро закончится, что они потеряют все, кровью и потом, потерями и страданиями нажитое, многих обрubiло. Страх закрался в душу, завладел ей. Все стало бессмысленно, все их последующие действия, атаки, поддержки, зачистки, допросы и визиты вглубь территории. Война разом оказалась проиграна, завоевания сданы врагу, подписи поставлены, а сомнения отброшены. Именно тогда страх овладел буквально всяким, кто прежде не задумывался над завтрашним днем. Вот он, этот долгожданный день демобилизации, свободы, но, главное, безопасности, до которого обязательно надо дожить. Другой вопрос, как именно.

Стреляли командиров, саботировали, дезертировали, часто с оружием в руках, напивались, сходили с ума. Как он дожил до выхода, помнит плохо. Последний месяц или два как в тумане. В алкогольных парах, если точнее. За два последующих года он так себе осточертел, что приготовил лекарства на случай, когда станет совсем неспособен. А после познакомился с Глашей.

Сейчас даже она не вспоминалась. Гидич сделал еще глоток, отгоняя муку, саднившую сердце, снова взял в руки макаров, вхолостую передернул затвор, чтоб немного успокоиться. Привычные механические движения всегда успокаивают, потому младенцы сосут соску, а взрослые разбирают и собирают оружие. Секач сел на соседнее сиденье, убрав водку, тайного соратника, под ноги; сзади уместились еще трое с автоматам, один держал в руке одноразовый гранатомет «Муха», кажется, плохо представляя, как он работает. Имелись у этой модели не слишком приятные отличия от классического РПГ-7, которые могут проявиться в самый неподходящий момент. Самым неприятным на взгляд Юрия оставалось невозможность вернуть взведенное пусковое устройство в походное положение, граната становилась постоянно готовой к отправке. На фронте от таких «Мух» избавлялись просто, выстреливая в сторону уходящего противника. А что делать здесь? Гидич усмехнулся.

— Чего лыбишься? — спросил Секач. Юрий кивнул в сторону гранатометчика, пояснив проблему. Водитель покачал головой.

— Пожалуй, лучше тебе с ней управляться. Косой, передай «Муху», а то, я смотрю, шаловливые ручки уже до шептала добрались.

Гранатометчик поспешно отдернул пальцы от спусковой скобы и молча вручил оружие Гидичу. Юрий поставил его между ног, на краткий миг ощутив непонятное спокойствие. Будто ехал с однополчанами в пропахшем песком и маслом бронетранспортере, прислушиваясь к гулу двигателя и стрекоту вертолета, мотавшего над головой, поджидая выстрелов с неба, чтоб немедленно выскочить, отбежать, залечь и двинуться вперед, занимая высоту, пещеру, поселок, укрепление. Донимавшие мысли отступили, сердце успокоилось. Помогла ли водка или вот это молчаливое единение перед боем, он не знал, да и не стремился разобраться. Если все пройдет, он получит деньги, много, вернется домой...

— Выкатываемся, парни. Афганец, ты со мной, остальные к «бумеру».

«А я уже получил прозвище», — подумалось Юрию. Взяв гранатомет подмышку и получив россыпь патронов к пистолету, Гидич поспешил за Секачом, остальные отправились вслед за наглухо тонированным БМВ, в котором, должно быть, ехал Хромой. Когда машина остановилась невдалеке от склада, возле нее собрался с десятков бойцов. «Один выстрел шрапнелью и можно праздновать», — хмыкнул про себя Гидич. Он потряс головой и двинулся к лестнице знакомого долгостроя. Не может быть, чтоб там не находилось ни одного захватчика. В ответ Секач приложил палец к губам, и двинулся в обход здания, к наваленным кое-как бетонным блокам. Гидич заглянул в дверной проем — возле окна стоял невысокий крепыш, поигрывая автоматом, наблюдал в бинокль диспозицию противника. Юрий качнул в его сторону стволом

макарова. Но Секач решительно помотал головой, не трогай. Вот странно, подумалось Юрию, я с ними действительно заодно. Будто отрабатываю прозвище и вдесятеро большую сумму, чем давала Ида. А разве можно отказаться? Надо обязательно вернуться к Глаше, если с деньгами, так и подавно хорошо. Половину он отложит девочке на операцию, врачи говорят, это несложно, вернуть голос, несложно, но дорого. Они хотя бы начнут копить...

Вздвигнув, Гидич повернулся к напарнику. Стараясь не шуметь, они поднялись на третий этаж. Когда проходили к окну, снизу едва слышно заработала рация.

— Хлыщ, что у тебя? — донесся знакомый голос. Сизарь.

— Путём. Прибыли, группируются.

— Ида где?

— Пока не выходит из машины. Как и Хромой. Чего-то ждут.

Заряжая магазин, Гидич подошел к проему, оказавшись лишь чуть выше окон второго этажа склада, за которыми сновали люди. Ему показалось, или он увидел Сизаря?

— Он тут, — чуть слышно по рации доложил Секач, разглядывая помещение через оптический прицел карабина СВТ-40. В ответ зашипело.

— Стрелять только по моей команде.

Рация смолкла, наступило тревожное ожидание.

— Садись сюда, — браток пододвинул ящик. Гидич сел, только сейчас заметив, как гудят от непривычного напряжения ноги. Он давно не попадал в передряги, думал, что выбрался из них вконец, а вон оно как обернулось. Снова оказался на войне. И снова со страхом за спиной, как в последний месяц. Юрий попытался вспомнить Глашу, Аню, Иду, Артемьева, хоть на кого-то переключиться, но сейчас помогало плохо. Он будто снова в Мазари-Шарифе, через который уходили остатки армии победителей, без оглядки бежавшие с полей славы. Без сожаления оставлявшие союзников, которых приходилось минировать на сопках и в опорных пунктах, чтоб они не договорились с врагами за спиной. Наступал новый передел далекой страны, иная межа проходила между недавними врагами. Кто-то оставался с прежними знакомыми по одну сторону, а кто-то уже стрелял им в лицо.

Рация несколько раз прошипела что-то невнятное, смолкла. Машина подъехала к воротам, посигналила. «Спортсмены» рассыпались вдоль забора, кто-то заглянул внутрь, иной уже забирался в открытое окно. Момент для атаки, если Сизарь так же планировал нападение вместо переговоров, был безвозвратно упущен. Но из БМВ по-прежнему никто не вышел.

— Сизарь на мушке, с ним Стахов, — негромко произнес Секач в рацию. Он поднял винтовку и внимательно вглядывался через прицел в окна; руки не дрожали. Юрий поглядел на стрелка с определенной завистью, поразившись его ледяному спокойствию. Подобного он давно не испытывал. Волнение, вызванное визитом банды Хромой, за окнами стихло, сменившись тревожным ожиданием. Все замерли, поджидая первого хода гостя. А тот все не спешил.

Наконец, дверь машины распахнулась. Из нее выбралась Ида, неуверенно сделала шаг по направлению к двери склада, оглянулась. Следом показался Хромой, держа в руке рацию.

— Ну где ты там, захватчик. Показывайся! — крикнул он. После чего добавил в переговорное устройство уже вполголоса: — Давай.

— Понял, — Секач, чуть помедлил и только тогда выстрелил. Гидич никак не мог разобрать, попал он или нет, успел увидеть, как темная фигура дернулась, поспешив упасть на пол. Бандит выстрелил еще дважды. В ответ началась слаженная автоматная пальба и на въезде.

— Что за черт? — донеслось снизу. Гидич дернулся, подхватился. Вынул пистолет, перевернул затвор, досылая патрон в ствол.

— Я уберу его, — произнес Юрий. Секач покачал головой.

— Не стоит, уходим. Тубус заberi. — И в рацию: — Он готов.

Шаги зашуршали по лестнице. Секач прислонился к стене, выцеливая противника. В этот момент Гидича будто накрыло. В голову ударило знакомое, казалось, давно отвергнутое, то,

из-за чего когда-то он и достал лекарства. Теперь последние сомнения, тревоги, страхи отпали. Рука сама взметнула макаров, он дважды выстрелил в Секача, а пока тот падал, Юрий схватил винтовку Токарева и перещелкнув флажок в автоматическую стрельбу, выпалил оставшийся магазин в поднимавшегося «спортсмена». Бросил СВТ-40 обратно, подбежал к окну.

Хромой по-прежнему стоял у машины, тыкая пальцем то в окна склада, то в сторону недостроенного строения, откуда звучала стрельба. Бойцы Курбанова уже втянулись в здание, рассыпались по этажам. Иды Гидич не увидел, видимо, женщина скрылась следом за нападающими.

Юрий поднял гранатомет, взвел, прицеливаясь. Последние слова Хромого, что он услышал, были о Семене:

— ... шлепните его, если надо. Но парень молодец, хорошо, что он этого не слышит.

Граната с воем вырвалась из трубы, умчавшись к машине. Миг и БМВ расцвел ярко-оранжевой вспышкой, расплескался черным металлом. Главаря и двух его подельников будто ураганом сорвало с места, разбросало в стороны, смяло точно мусор.

— К черту деньги, главное, домой, — почти спокойно произнес Гидич, отбрасывая тубус и двигаясь к лестнице. Он почувствовал себя в том спокойном, хладнокровном состоянии безоговорочной решимости, которое оставил пять лет назад. Все стало ясным и простым, жизнь обрела забытый смысл и цель, и теперь заново открытое ощущение повлекло его за собой, потащило — к внутреннему ужасу самого Юрия. Но сопротивляться он не мог, а потому последовал покорно: бросил пистолет на тело убитого им бандита Сизаря, сжал мертвую ладонь на рукоятки, после чего взял его оружие и спустился на первый этаж.

Новый грохот донесся со склада, перекрывая истеричную стрельбу. Гидич вздрогнул, поспешив вниз. Одинокая тень мелькнула справа. Он отшатнулся, поднял пистолет.

Поздновато. Вспышка озарила полумрак помещения. Юрий только успел дернуться, рука среагировала быстрее, палец снова дважды нажал на спусковой крючок. Фигура отлепилась от стены, выпадая в дверной проем, мелькнула тенью. Сзади кувалдой ударило по спине, выстрела он не услышал. Покрытый пылью и плесенью бетон пола оказался перед глазами, а затем потонул в крошечной тьме.

Гидич очнулся от сильнейшего холода. До сознания донеслись слабые отзвуки, постепенно нараставшие. Вроде бы кто-то шел. Он попытался подняться, но смог лишь перевернуться на бок. Плечо и бок саднило, боль растекалась морозом по коже, мучительно покалывая. Больше он ничего не чувствовал. Руки и ноги будто исчезли.

Подошла Глаша. Юрий дернулся невольно, пытаясь подняться навстречу девочке, но смог лишь разлепить ссохшиеся губы.

— Как... как ты сюда попала, дочка? — вместо голоса донесся лишь слабый шелест. Глаша наклонилась.

— Юрий, это Ида, Аделаида. Вы меня узнаете? Не дергайтесь, прошу, я вызвала скорую.

— Глаша, что ты... говоришь?

— Я не должна была вас в это впутывать. Мне нужен был мужчина, человек, на которого я смогу опереться во время передачи денег. Я понятия не имела, что все вот так произойдет. Еще раз простите меня, но вы столько для меня, для нас с Семеном сделали. Верно, сами того не сознавая.

Гидич попытался повернуться, Ида пришла на помощь, помогла ему сесть. Голова скопсилась на плечо.

— Зачем ты здесь? — снова спросил он.

— У нас была схема, надежная, но все сразу пошло не так, — продолжала Ида, намереваясь объяснить перед спасителем. — Понимаете, Сема всем задолжал: Сизарю за камни, Хромому за тотализатор. Но я его не виню, — поспешно прибавила женщина, — он предложил

хороший план спасения. Сема головастый, когда припечет. Предложил себя на роль жертвы. Мол, он через меня вернет долг «зеленым льдом», но меня при этом якобы обманет Сизарь. Памятуя, насколько плохи отношения двух авторитетов, Хромой не упустит возможности отомстить. А если я останусь при нем, Сизаренко взбесится в ответ. Нам только требовалось вывести их из равновесия, где они пребывали последние несколько недель, после битвы за тотализатор. Сема надеялся сам порешить Сизаря, а пока Хромой искал бы пропавшие деньги, разбираясь с залетными бандитами, ему было б не до нас. Мы рассчитывали уехать. Но вы, вы... столько всего сделали. Истребили обоих.

В глазах снова потемнело, Глаша то появлялась, то исчезала. Он попытался поднять руку, но не ощутил ее. Тело заливал ледяной свинец. Мысли начинали путаться, но хоть голова освобождалась от всего лишнего, наносного. Собрав последние силы, Гидич прохрипел:

— Выходит, съездил за луком... Не надо бы прельщаться деньгами. Не то. Не надо было возвращаться в пустыню. Она меня все-таки сожрала.

— Вы меня простите, — тихо произнесла в ответ Ида, понимая, что ее не услышат, — но я не могу остаться до приезда врачей. Нам надо спешить. Меня разыскивают. Сему тоже.

Она поднялась. Нерешительно потопталась на месте, желая, но не в силах заставить себя уйти. Юрий что-то произнес, она не услышала.

До слуха донесся отчаянный вой скорой. Ида наскоро попрощалась и вышла из недостроенного здания в непроглядную темноту апрельской ночи.

Дикий мед твоих губ

*Через Гураб не проезжай, Рамин:
Там соблазняют девушки мужчин...
Пусть против дивов знаешь ты заклатья, —
А не спасешься, в их понав объятья!
Фахриддин Гургани*

После того случая Косой быстро пошел на повышение. Убедившись в преданности молодого человека, хозяин стал давать ему поручения особого свойства, а с недавнего времени сделал бригадиром, то бишь, десятником, отдав в распоряжение Крапленого. Этот тертый калач прежде работал бухгалтером в крупных учреждениях, да так ловко, что умудрился скопить состояние еще во времена андроповские, когда за малейшую провинность карали как в тридцать седьмом, жестоко и с полной конфискацией нетрудовых доходов, обчищая оставшихся на свободе родственников. Тем не менее ловкий решала умудрялся и тогда не попасться в мелочейную сеть правоохранителей, а теперь уходил от них и подавно, вот уже три года верой и правдой работая на хозяина, помогая ему во всем, советуя, а порой и наставляя. Чмырь слушал его всегда с большим вниманием, конечно, спорил, ссорился даже, но хоть и крут бывал с другими, с Крапленным держал себя в руках — знал, чего тот стоит. Раз после особо долгой и упорной ссоры подарил тому новенький «Вольво-740», который бухгалтер так ни разу не выгнал из гаража, продолжая кататься на шестой модели «Жигулей» — от греха подальше. Он был очень осторожным и находчивым человеком, этот Крапленный, недаром его так прозвали.

Вот уже месяц Косой находился в распоряжении бухгалтера, сначала без особой старательности исполняя поручения, почитая новое свое место понижением в должности. Еще бы, после того случая, он выполнял только личные приказы Чмыря, полагая находиться при хозяине неотлучно до конца своей карьеры. Но молодой человек быстро переменял мнение после первых же похвал авторитета, назвавшего Косого в публичном разговоре «своей верной шуйцей». Чмырь был большим книжником, это у Косого с образованием не задалось, вот и пришлось хозяину втолковать смысл прозвища. Поначалу многие восприняли слова хозяина чуть не как шутку, но вскоре переменяли мнение, и раз уж Чмырь так приблизил к себе бывшего щипача, сами стали склонять выи перед выдвиженцем. За Косым закрепилось вроде бы шутейное прозвание Шуйца, которое, впрочем, весьма точно отражало его нынешнее положение. Когда молодой человек понял, что над ним не смеются, а произносят новое прозвище с толикой уважения, пусть и сквозь зубы, немало возгордился. После новых похвал Чмыря и подавно.

Он служил мытарем: собирал ежемесячную дань с предпринимателей, работавших под водительством хозяина, и за помощь и защиту от лихих людей конкурирующих структур, платящих тому оброк. Прежде все эти финансовые потоки проходили через Татарина, но когда тот зарвался, впал в немилость и окончил дни на дне речки, его место споро занял молодой человек. Два месяца прошло со дня вступления в должность, а Косой все еще не мог прийти в себя. Прежние шальные мысли о возможной немилости хозяина остались в прошлом, теперь он в сопровождении двух «инкассаторов», задрав нос, вышагивал по улицам центральных районов Спасопротоковска, заходя то в одну контору, то в другую и всюду получая деньги и безусловное уважение, кружившее голову. Косого привечали, кормили и обшивали задарма — немудрено же возгордиться и пойти по пути Татарина! Но молодой человек имел перед собой слишком наглядный пример, чтоб последовать по кривой дорожке, да и слова Чмыря для него значили много, зарывался он лишь втайне ото всех, придя домой в неудобную комнатку на последнем этаже башни на Газгольдерной улице. Да и там, вознесясь в эмпиреи, тотчас одерги-

вал себя. Трамвайная молодость еще давала о себе знать приступами внезапных страхов перед каждой тенью, промелькнувшей по краю восприятия. Прежде именно она не позволяла ему попадаться при очистке карманов и сумочек добропорядочных горожан, теперь же, оставшись в прошлом, здорово мешала. Расслабиться и сполна насладиться новым положением Косому не удавалось. Конечно, в компании выданных ему Чмырем Валька и Снегиря, уверенно сопевших за спиной на выходах в свет, молодой человек напивался, иногда даже здорово, но и пьянея, ловил на себе недовольные взгляды обойденных и поставленных под начало пришедшей шмако-дзявки лучших бойцов хозяина. Те тоже уважительно окликали его Шуйцей, но кажется, первой буквой ставя «хер», хотя бы так скидывая везунчика с пьедестала. Косой старался этого не замечать, много пил, пьянел, не пьянея, и приходя домой, то мечтал, чтоб хозяин переименовал ему кличку на прежде озвученную, то боялся, что все его начнут именовать через этого проклятого хера. В последний месяц на него многие стали смотреть косо, а прежде внимательный к настроениям бригады Чмырь будто не замечал этого. Косому казалось, в разговорах с хозяином подчиненные склоняют его имя, но спросить напрямую не смел, оттого маялся больше, напивался шибче и потом изводил себя страхами, неясными самому.

Возможно, Чмырь и вправду начал утрачивать чуйку. Его, прежнего грозу города, стали теснить из центра и выжимать с Мирославского рынка — но невзирая на эти обстоятельства авторитет по-прежнему не отдавал никаких особых распоряжений помощникам, пуская дела как бы на самотек, вечерами пропадая в ресторане «Арагви» с неизменной спутницей Миной, от вида которой, что говорить, у многих подчиненных ком подступал к горлу, а Косого так и вовсе пот прошибал, особенно когда эта модельной внешности двадцатипятилетняя девица поглядывала на него, при этом чуть заметно прищуриваясь, будто отвечая молодому человеку на его взгляд.

Но Мина не являлась просто пустоголовой кралей — она имела высшее юридическое образование, которое использовала по прямому назначению — для обхода всех бюрократических тонкостей, стоявших на пути хозяина к той или иной заветной цели; в ней не только природная красота имелаась в избытке, но и отточенной годами практики ум, за который ее так высоко ценил, холил и лелеял Чмырь, ни в чем не отказывавший своей спутнице.

Потому еще Косого так удивляла ее слепота почти нарочитая. Мина была докой во всех делах авторитета, не могла не знать о последней провальной «стрелке», на которой Чмырь, не договорившись с бывшими поделщиками, прикарманившими казино на Виноградской улице, вынужден был уступить им несколько прибыльных точек — ломбард, ювелирный магазин и букмекерскую контору. Иной раз Косому хотелось предстать пред очами Чмыря, все ему обскажать, как он видел — молодой человек не сомневался, что «с земли» подобное видится не в пример лучше хотя бы потому, что в ресторации, где все трое имели обыкновение заливать бельмы, встречались и бойцы конкурирующих бригад; несмотря на недоброжелательное отношение к противоборствующей стороне, они не только не вступали в поединки, что было б логично и верно, но, презрев былые обиды, обменивались намеками, переходящими в нелестные замечания: так хозяйские псы перебрехиваются через забор, прекрасно зная, что находятся в безопасности. Что и происходило — по заведенной много лет назад неписанной традиции «Арагви» был огражден от бандитских разборок; а потому именно здесь решались судьбы и вершились дела между теневыми властителями города; вот и бригады, прибывая в ресторацию, лишь грубо посмеивались над недавними врагами, отпуская те непристойности, за которые им рано или поздно предстояло держать ответ в сравнительно честном бою. Но молодой человек помнил свое место, а потому держал мнение о происходящем при себе. Может, авторитет поддачками лишь успокаивает конкурентов, чтоб однажды нанести им удар, от которого те не оправятся. Такое в истории города уже случалось, бригадиры войск хозяина, недовольно качая головой, вспоминали былые дни, надеялись на неизбежное отмщение.

Когда Косой ввечеру пришел к Крапленому с новой податью, за которой ходил почти ежедневно, ибо всякая контора сдавала мыт в свое особое время — так подручным Шуйцы было меньше работы, а самому мытарю меньше возможностей прельститься собранным и стать на путь Татарина — то встретил в конторе самого хозяина. Чмырь с удовольствием выслушал доклад молодого человека, похвалил его за усердие и, выпроводив, переключил внимание на Крапленого, излагавшего новую идею. Косой бы не стал ее слушать, но в этот момент в контору зашла Мина — и просто так уйти его ноги оказались не в состоянии. Молодой человек присел на стул возле двери и ловил каждое слово, доносившееся через замочную скважину.

Продувной бухгалтер рассказывал о мировом кризисе, разразившимся в конце прошлого года в Азии и постепенно расплывавшимся по миру.

— До нас дойдет не сегодня-завтра. Я говорил тебе, Пантелей, — Крапленый единственный из всего коллектива обращался к авторитету по имени и на «ты»; не считая Мины, конечно, — в прошлом году вкладываться в государственные краткосрочные облигации; теперь пора выходить. Власти тратят на обслуживание долга больше, чем получают от новых выпусков.

— Пирамида? — хмыкнул Чмырь. В ответ скорее всего бухгалтер кивнул.

— Я подумываю купить долларов США, они сейчас не только у нас, но и во всем мире растут — и немного золота в слитках на будущее. Если... нет, когда у нас тоже рванет, это будет самое надежное вложение.

— Доллары я понимаю, когда у нас без них обходилось, — резонно заметил хозяин. — но чтоб золото?

— Положишь на депозит, Пантелей, и забудешь лет на пять. Сейчас золото на минимуме, но кризис...

— В кризис золото дешевеет, — возразила Мина, — госбанки от него стараются избавиться, чтобы что-то купить. Это второй курс экономики, странно, что ты...

— Но потом оно точно пойдет вверх, когда мировой порядок восстановится, — возразил Крапленый, — просто надо подождать немного. Те, кто его продает сейчас, потом сами будут скупать, а это еще больше разгонит цену...

Все трое немного помолчали. Косой слышал только перестук каблучков Мины, но и он быстро смолк. Молодого человека вдруг охватил внезапный жар, ему показалось, девушка подошла к самой двери. Но нет, ее голос раздался откуда-то с другого конца кабинета.

— Хорошо, возражения снимаются. Покупай.

— Только быстро, — прибавил хозяин. — Валюта нам нужна уже сейчас.

Кресло скрипнуло, освобождаясь от тяжелой туши авторитета. Чмырь обладал невысоким ростом, но мощной комплекцией, его коренастую фигуру можно было по ошибке принять за разжиревшую, но только до первой стычки. В конце восьмидесятых это обстоятельство изрядно помогло Пантелею Чмырину подняться среди прочих банд Спасопротокопьевска, — противники ошибочно принимали его за одышливого слабака, неспособного дать отпор. Авторитет не гнушался никакими методами, очищая себе дорогу; порой бил и своих, чтоб чужие еще больше боялись, взять того же замученного Татарина. Но последняя жертва была скорее исключением — после появления Мины, Чмырь заметно подобрел; публичные казни уж не проводились как прежде.

Косой не успел отпрыгнуть от двери, когда к ней знакомо застучали шпильки. Мина быстро открыла дверь, увидела молодого человека, но не произнесла ни слова, только улыбнулась ему и пошла дальше. Косой невольно последовал за ней; только пройдя несколько шагов до лестницы, осознал, что делает. Потряс головой, прогоняя наваждение, только напрасно — спускаясь, девушка послала ему воздушный поцелуй. Миг и скрылась за пролетом.

— Что случилось? — кажется, он произнес эти слова вслух, поскольку получил на них ответ.

— Ты еще здесь, Шуйца? — спросил нагнавший молодого человека бухгалтер. — Ничего не случилось. Давай домой, завтра с ранья за дела.

Косой снова обернулся, но авторитета не увидел, верно, тот все еще занимался бумагами в кабинете Крапленого, он часто перебирал оставленные верным помощником распечатки, что-то для себя решая, а потом или корректировал платежи или отправлял бригаду на «профилактику» к недоимщикам.

Если мировой кризис доберется до России, подумалось вдруг молодому человеку, недоимок станет больше — видимо, поэтому Чмырь так тщательно готовится к почти неизбежному грядущему. Сколько у них времени? — хорошо бы спросить это у Крапленого. Месяц или полгода? Косой подумал, надо бы позвонить матери, предупредить. Он частенько пересылал ей деньги на ту или иную потребность, а то и просто так — последнее время отстегивал ей куда больше, просто чтоб немного погордилась за благополучного младшего сына, не в пример старшему Петру, нашедшего работу по умениям. Конечно, они давно разошлись по разным берегам, с братом Косой общался последний раз полгода назад на дне рождения матери, которая так и жила в небольшом поселке Горлово возле областного центра. Нынешнюю диспозицию Игорька она понимала плохо, а младший не спешил ей разъяснить, резонно понимая, какой удар старушке сделает. Да, она знала о его проделках в трамваях по молодости, но искренне полагала это давно прошедшим этапом. Теперь, когда Игорек стал бригадиром и занимался налогами, ей виделось будущее сына в радужном свете — наконец, непутевый бросил воровские проделки и устроился как белый человек. Подарки и переводы только подкрепляли эту уверенность. Петр, наверно, все локти себе обгрыз, подумалось молодому человеку. Он с братом никогда толком не ладил.

Косой отлепился от стены и, медленно переставляя ноги, двинулся домой. Ему удалось добраться до квартиры, ни разу не вспомнив Мину. Но стоило переступить порог комнатухи, как девичья улыбка и воздушный поцелуй нагнали его. Молодой человек прислонился разгоряченным лбом к холодному стеклу и долго стоял так, глядя в никуда, пытаясь осознать случившееся. О Мине прежде он и думать не смел, лишь упивался как малолеток ее красотой и врожденной грацией; верно вид, при этом у него был самый что ни на есть дурацкий. Краля хозяина — как можно помыслить о такой? Только во снах, да и то не всегда, он грезил, сам не зная о чем, и тут же просыпался в холодном поту.

Что же случилось? — спросил Косой себя сызнова. На этот раз молча.

Как он провел ночь, не помнил; спал и грезил одномоментно. Сознание разрывала Мина, видевшаяся молодому человеку ретроспекцией с момента первой встречи зимой прошлого года. Что он знал об этой девушке? — не так много. Она успешно закончила юридический вуз, заняла второе место на тамошнем конкурсе красоты, после которого получила сразу несколько предложений от солидных папиков, но все сладкие домогательства легальных и не очень бизнесменов отвергла. Какое-то время работала по специальности, и только потом вошла в доверие Чмырю, решительно и окончательно.

Обо всем этом Косой узнавал из разговоров с Вальком и Снегирем; напиваясь, «инкасаторы» становились не в меру бойкими на язык, а Мина являлась главной темой последнего года — с той самой поры, как сошлась с хозяином. Валек, будучи одно время приближен к авторитету, рассказывал, насколько тот переменялся, когда втрескался в мозговитую кралю: стал чаще выезжать в свет, бывать в театрах, где снимал логи, водил ее по еще не закрывшимся за ненадобностью музеям, на редкие вернисажи — словом, вспоминал все уловки светского жениха, пока Мина не призналась, что и ее воротит от картин и статуй; только тогда, впервые поговорив по душам, оба стремительно прикипели друг к дружке.

— Потом они поняли, в чем похожи, и угомонились, — пояснял Валек, широко улыбаясь, было видно, насколько ему близка тема и как дорог хозяин, ради блажи которого он готов

терпеть нелюбезного выскочку над собой бригадиром. Конечно, Косой спас жизнь хозяину, но не может Чмырь, не теряя авторитета у подчиненных, быть ему так долго признателен!

Наутро Косой с дурной головой, переполненной ночными думами, прибыл в кабинет Крапленого — помимо обычного рейда по точкам, молодому человеку предстояло дополнительно собрать средств. Немного он уже знал из вчерашнего разговора, сейчас же бухгалтер, не вдаваясь в пояснения, послал свою левую руку к Климу Белому, держателю большого портфеля различных ценных бумаг и восточной части города. Перед этим Крапленый по телефону долго объяснял тому бедственное положение своего босса, вынужденного расстаться с биржевыми активами, рекламируя сумасшедшие проценты облигаций, — в последних выпусках она достигала ста сорока процентов — ни один легальный актив, включая некоторые нелегальные, вроде торговли наркотиками или оружием, такого профита не давали. И вроде бы Белый не был дураком, все последние годы умело обогащаясь на самых разных рискованных предприятиях, вкладываясь даже в бумажки Сергея Мавроди, выпускаемого им по всей стране через общество МММ — и в последний момент сумел вывернуться, но сейчас Климу будто чуйка изменила. Авторитет так уверился в непогрешимости политики нового премьера, что Косой буквально слышал нетерпение на том конце провода.

— Я пришлю вам своего человечка, — завершил беседу Крапленый, кивая Шуйце. Положив трубку, достал из сейфа несколько папок с документами, выдал молодому человеку.

— Особо отметить Климу, что он покупает облигации за шестьдесят процентов цены, а в конце этого года государство заплатит ему полную стоимость. — Бухгалтер фыркнул. — Сто раз ему говорил, чтоб не связывался с властями, еще когда на него работал.

Косой удивленно посмотрел на владельца кабинета.

— Вот не знал, что вы...

— А тебе знать незачем. Я потому к Пантелею Егоровичу ушел, что тот охулки на руку не кладет. Вот и с облигациями быстренько разобрался, теперь нам главное их скинуть побыстрее. Сам видишь, все их с подметками рвут, а Центробанк рад-радешенек, печатает, пока может. Летом, должно, припрут к стенке, предельно, осенью. Мне знающие люди говорили.

— Мина? — не выдержал Косой. Бухгалтер смерил его тяжеленным взглядом, но смолчал, протянув папки. Молодой человек тотчас положил их в дипломат и поспешил раствориться за дверью, ругая себя за несдержанный язык. Там его ждали всегдашние компаньоны, немногословные и угрюмые; этим они показывали неизменное отношение к молодому человеку, а еще соблюдали порядок — не только в здешних местах, но почти повсеместно на Руси братки непременно должны делать лицо кирпичом, одним этим отваживая всех от себя. Но так продолжалось ровно до пятничных попок, когда их показное недовольство спадало под действием крепкого и крепленого алкоголя, переходя в развязное панибратство. Косой не раз планировал извлечь из их бескостного языка какую-то для себя выгоду, но никак не мог измыслить ее, а интриговать против «инкассаторов» перед Крапленым желания не имел.

Когда все трое садились в побитую временем «шестерку», к машине подошла Мина. Девушка держала в руке прозрачную папку, в которой виднелись заверенные многими печатями документы. Один из листов подала Косому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.